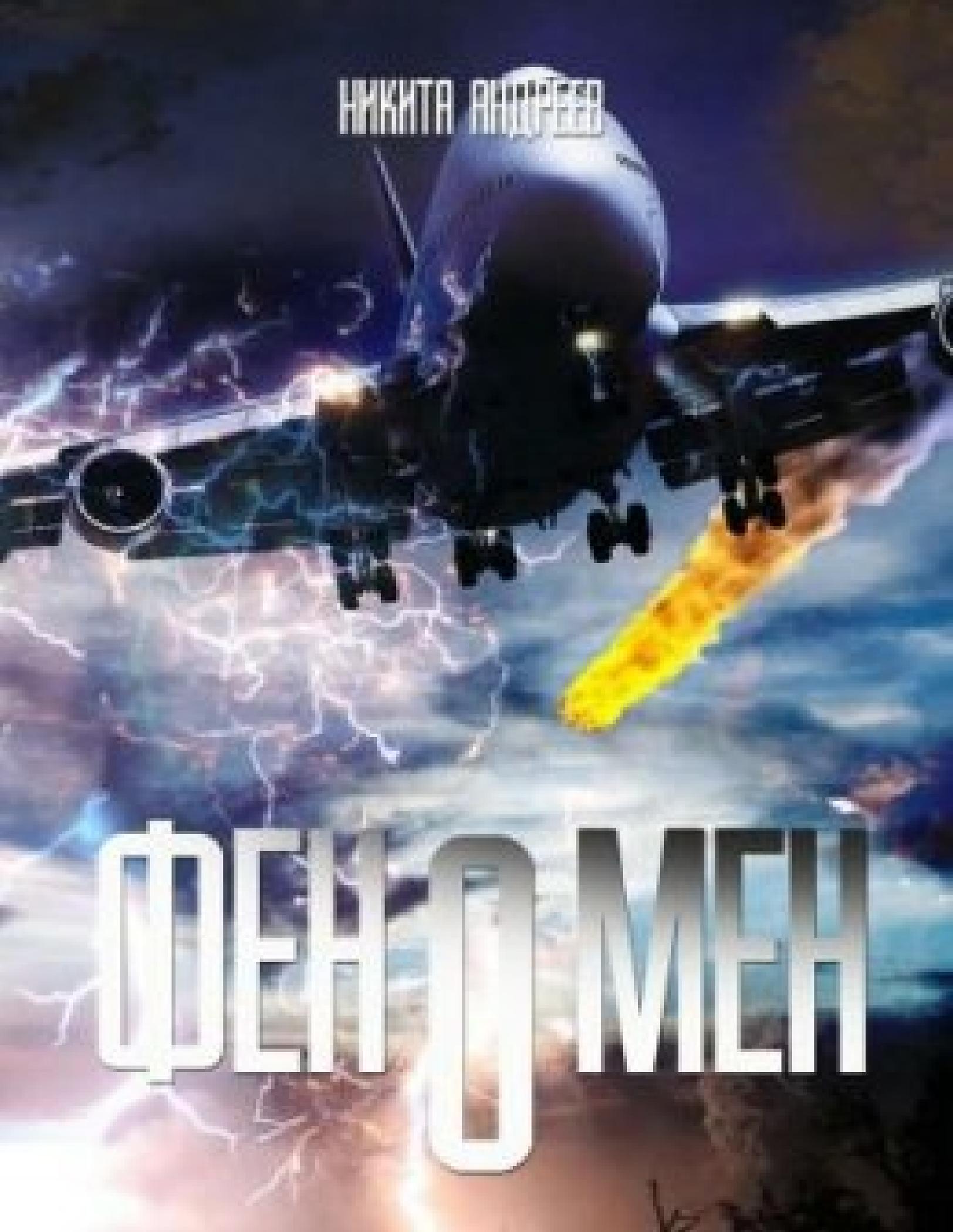

ΑΝΚΥΤΑ ΑΝΔΡΕΑΣ

ΦΕΡΟ Ο ΜΕΓΑ

Annotation

Что может быть опасней, чем оказаться запертым в сумасшедшем доме среди убийц и умалишенных? Только если ты на борту пассажирского самолета на высоте десяти километров над землей, где вне зависимости кто ты: пассажир, бортпроводник или пилот, неизвестная чума, разрушающая разум, доберется до каждого. Оставшимся на земле остается только беспомощно наблюдать и искать способ спасти неуправляемый лайнер. И только разгадка главной тайны прошлого столетия – Тунгусской катастрофы может дать надежду.

Феномен

Никита Андреев

© Никита Андреев, 2016

© Valery Frost, дизайн обложки, 2016

30 июня 1908 г.

07:09

Адиуль стоял по колени в воде и следил за хариусом. Рыбы в этом году на редкость изобилие.

Пока солнце еще согревает он день ото дня старался изыскать свободное время и порыбачить. Отец запрещал отвлекаться от паствы оленей, поэтому к реке приходилось выходить в тайне. Его орудием была выточенная собственными руками острога из листовенного древка. Чтобы отыскать подходящую ветку в форме трезубца он обследовал многие километры вокруг стоянки. По словам отца, до стальной остроги сын пока не дорос, да и сделать ее могли только умельцы из Ванавары. Стоило это дорого – пол пуда оленьего мяса, а свою старую острогу отец подарил брату Тыманчу, якобы ему нужнее. Тыманчу на север ушел, а нас и олень прокормит – так сказал отец.

Конечно, прокормит, только жуть, как хочется разнообразиться пищей. И мать не отказывает, когда сын приносит золотистые хвостики. Можно свежей есть или засушить и храниться хорошо в лабазе. А аромат какой, в особенности зимой, когда чум снегом завалит, не выйти.

Если отец вернется с охоты до восхода, то Адиуль сумеет отловить с десятков и упрятать в лабаз. Там отец уже не достанет, да и сам съест с удовольствием, когда время придет. А потом Адиуль обманет, что ловил, когда отец уводил оленей на запад. Да кто же разберет правда это или нет. Да и что с оленями может случиться, пока он тут у реки? Пасутся рядышком. Не зря мать говорит – глаза у Адиуля на макушке, видит все, аль с духами предков общается.

Солнце выглянуло меж сосен. Черные жировые облака, припрятавшие звезды ночью, уже рассеялись, словно и не было их. Лето не успело начаться, так уже заканчивалось, ночи холодели, приходилось топить очаг.

Адиуль заволновался. А если злые духи услышали, как он обидел духа огня? Подкладывая дрова в очаг накануне, он случайно подался вперед и обжег руку, после чего выругался. Если бы мать и отец услышали, несдобровал бы он, просил бы у огня прощения, отдал бы ему ужин, а оленина свежая была, вареная. Адиуль пожадничал, а теперь тревога не отпускала его. Вдруг дух огня разгневается и решит отомстить? Он дает им свет, пищу и тепло. С юга, с Тунгуски принесли его в очаге отец и мать, а ныне там его и нет, здесь он. А вдруг решит уйти, бросить их? Замерзнут они и погибнут.

Адиуль заплакал. Хоть и был он не мал уже – тринадцать зим назад родился, но сильно переживал. Три тяжелые слезинки капнули в прохладную воду реки Хушма. Крохотные кружечки поплыли к острому камню, торчащему из воды, и разделились пополам. Хушма в это время вела себя спокойно, основная вода сошла с гор, обмелела река.

Хариус сверкнул на солнце стальным отблеском фиолетовой чешуи. Адиуль не сразу подметил его, соленая вода в глазах мешала обзору. Он вытерся рукавом старого отцовского парка и вдохнул запах кожи давно погибшего оленя. Отец говорил, что олень тот дал первое молоко его губам. С тех пор они с Адиулем стали одним целым, и должны и после смерти ими остаться.

Олени подошли к берегу, чтобы пощипать листья с кустов. Адиуль обернулся и посчитал

все ли на месте. Да, считать он уже умел, сразу, как говорить научился. Мать гордилась сыном, говорила сам шаман Бургуми духов просил, чтобы ребенок умненьким был, так и вышло. Шаман тот никогда не обманывает и духов умеет задабривать как никто другой. Они сразу откликаются на его просьбы.

Адиуль воткнул острогу в дно, хариус успел ускользнуть. Ничего, он попробует еще раз. День теплый сегодня, удачу должен принести.

Поток воды омывал горбатый коричневый камень, на котором вдруг появилось лицо духа огня. Адиуль представлял его пожилой старухой. Она насмехалась над ним, грозила кривым, как листовенная ветка, измазанным в саже, пальцем.

Адиуль твердо решил рассказать отцу и матери. Пусть лучше они накажут, чем старуха сделает это. Она же может и выбросить ночью горящую полешку из очага и сжечь их. Адиуль не мог допустить этого. Отец знает что делать – окурить дымом можжевельника каждого члена семьи, а Адиуля тщательней, накормить огонь лучшим мясом в доме и попросить прощения. Старуха хоть и грозит, да на самом деле добрая она, иначе бы не грела.

Даже ещё и не случилось этого, а Адиуль уже почувствовал успокоение. Мальки озорно покусывали ему ноги.

Ну, берегитесь несчастные, подрастете и Адиуль доберётся до вас. Улыбнувшись восходящим лучам солнца, он закрыл глаза и глубоко вдохнул запах сосенных шишек и морошки.

Вдруг вокруг стало ярко. Адиуль открыл глаза. В стороне от солнца он увидел другое солнце, только маленькое, как луна. Лже – солнце то быстро росло. А еще оно двигалось, как бы падало с неба. Свет от него стал таким ярким, что окрасились в желтый цвет деревья, трава и даже вода. Свет этот замигал, как если бы кто – то прикрывал его ладонью.

Адиуль стоял почти без движения, наблюдая за этим непонятным лже – солнцем. И, кажется, он не один, даже река остановила течение, и мальки перестали покусывать.

От лже – солнца отделялись лучи и яркой вспышкой исчезали. Их было так много, что лже – солнце стало похоже на огромную метлу с огненным черенком.

И тут до Адиуля дошло – это дух огня. Старуха решила наказать его.

Но он же собирался извиниться, да и слова те оскорбительные уже давно взял назад.

Прогремел выстрел, как из ружья. Только звук протяжной, будто замедленный. Земля задрожала под ногами, река заволновалась. Дрожал даже воздух и с каждым вдохом становился горячее.

А лже – солнце приближалось. Еще один выстрел громыхнул, на этот раз громче.

Заложило уши.

Старуха, зачем ты это делаешь? Прости меня! Прости!

Олени заурчали и попадали на колени. Адиуль бросил острогу на берег, да подальше, чтобы не скатилась в воду и не утонула. Может быть, дух огня сжалиться и не заберет хотя бы ее.

Адиуль услышал крик матери. Он забрался на берег по вытопанной дорожке и рванул к чуму. Следующий выстрел сбил его с ног, следом мощный поток ветра едва не сорвал с него одежду. Чум завалился на землю. Мать успела спастись и сейчас бежала к Адиулю навстречу.

Лже – солнце, внезапно сверкнуло яркой вспышкой, да такой, что краски все слились для Адиуля. На миг он подумал, что дух огня решил забрать зрение. А потом все вокруг стало красным, и даже небо налилось оленьей кровью.

– Адиуль, ты в порядке? – мать ухватила его со спины.

В этот самый момент прогремел еще выстрел. Он был во сто крат мощнее самого сильного грома, а еще он был, как будто осязаем, его можно потрогать, он колосося, как иголки ежа. Деревья ложились к земле, как сломанные спички, даже такие толстые, что Адиуль не мог обхватить руками. А следом за ветром шел огонь, он как бы подчищал все – то, что уцелело.

Матери сзади уже не было. Адиуль пытался отыскать ее взглядом, но огонь окружил его со всех сторон. Горели кусты и деревья, горела даже земля. Адиуль знал, что мать погибла, как и отец, как и все олени. Дух огня решил наказать его, уничтожив все вокруг, но оставив его в живых. Почему?

Кругом стоял треск умирающей древесины, воздух пропитался черно – белым дымом, сжигающим изнутри легкие. Адиуль лежал на земле, одежда на нем плавилась. Столб дыма поднимался к красному небу, дрожащим от эха последнего выстрела. Небо плакало огненными слезами, с грохотом падающими на землю. Одна слеза упала совсем рядом с ним. Горячий песок попал в лицо. Лежавший прежде практически без сил, готовый умереть и заплатить за свой грязный поступок, Адиуль вдруг ощутил прилив сил. Его магнитом потянуло к месту воронки размером с пять, а то и шесть локтей. Он полз по земле, потому что огонь пылал прямо над головой.

Дым шел из воронки, как из очага, а запах разобрать было уже невозможно – запахи тоже сгорели. На дне лежал красный уголек, размером с кедровую шишку. Он пенился и растворялся на глазах, как льдинка в огне.

Адиуль, сам того не ведая, протянул руку и схватил уголек. Он ожидал, что рука его сейчас расплавится, только уголек тот оказался совсем холодным. И не просто холодным, а ледяным.

Пот не успевал выступать на коже, как тут же испарялся. Уголек перестал шипеть и превратился в обычный черный камень.

Внезапно Адиулю стало ясно, что умирать ему никак нельзя, он должен выбираться. Камень он зажал в руке и для верности прижал к груди. Неизвестно как, но Адиуль выбрал направление и побежал, перепрыгивая через огненные стены, которые больше не обжигали.

Красное небо медленно тускнело, возвращаясь к привычному виду. Настоящее солнце уже вошло, а от второго не было и следа. Адиуль решил, что лже – солнце то теперь у него в руке. Дух огня решил проучить его, наказать за неуважение, отобрать все, что было ему дорого, кроме жизни. И теперь, когда терять нечего, Адиуль обязан сохранить дар бога огня и служить ему до самой смерти.

Глава первая

Одежда красит человека, так еще мама говорила. Но почему в одном наряде мы чувствуем, что можем свернуть горы, а в другом стесняемся даже попросить у продавца сдачу? Ведь с помощью одежды можно не только скрыть недостатки тела, или подчеркнуть, дарованные природой, прелести, но и выразить тканью и красками то, что мы не решаемся сказать вслух. Правильно подобранный гардероб может изменить характер, взгляды на жизнь, даже притянуть удачу. Ибо благоволит она тем, кто над собой работает.

Наталья пристально смотрела на себя в зеркало. Новые джинсы, которые она час назад второпях натягивала, не привычно сдавливали бедра. Она так давно не надевала облегающее, что едва не ошиблась с размером.

На кровати распластался пыльный чемодан с мятой одеждой, наваленной сверху пирамидкой. Диспетчер такси уже звонила дважды и в третий раз картавая девочка уже не будет такой вежливой. Даже у такси заканчивается терпение, что уж говорить о пилотах самолета.

Опаздывала она, потому что Галина Юрченко, заместитель директора дорожной частной школы Красноярска, обладательница титула учитель года, гордость Сибири и будущий кандидат в депутаты, к концу сеанса психотерапии устроила истерику. Еще недавно Наталья была счастлива такому удачному пациенту и воспринимала работу с ней как экзамен на возвращение в высшую лигу. Пациентка легко шла на контакт с первых минут общения. Сказывался большой опыт аналитической мозговой деятельности (Галина Марковна преподавала математику). Успешная с виду женщина страдала неврозом навязчивых состояний. У Галины Марковны появлялись произвольные, пугающие мысли о том, что ученики старших классов желают ей смерти и непременно через развращенное сексуальное насилие с использованием предметов школьной принадлежности (линейка, указка, свернутый в трубочку дневник). Опасность она видела во взглядах, жестах, речи и похабных мыслях, которые она якобы слышала. По ее словам страх материализовался в вязкую субстанцию и покрывал тело черной смоляной пленкой, заставляя ее паниковать. Галина Марковна могла выбежать посреди урока из кабинета, запереться в туалете и тщательно смывать с себя субстанцию любыми доступными средствами – только так приходило успокоение. Однажды, она даже растерла промежность до крови туалетным ершиком. Все эти, не более чем безуспешные, попытки сопротивляться навязчивым мыслям на самом деле провоцировали их повторное появление. Опасаясь угодить в психиатрическую лечебницу и навсегда похоронить карьеру, Галина Марковна пришла к Наталье. Лечение невроза процесс длительный и скрупулезный, подобно ремонту механизма швейцарских часов большим гаечным ключом. Помимо медикаментозного лечения необходимы десятки, а иногда и сотни сеансов психотерапии.

Накануне Галина Марковна приняла двойную дозу назначенного препарата и на сегодняшнем сеансе потребовала, чтобы Наталья ускорила процесс выздоровления, иначе она грозила потребовать деньги назад и объявить Наталью шарлатаном. Галину Марковну удалось уговорить взять паузу в лечении, чтобы прийти в себя, благо на работе ей удалось взять отпуск. Женщине требовался уединенный отдых, и они договорились встретиться через десять дней.

Наталья не комфортно чувствовала себя в джинсах, или, точнее сказать, непривычно. Легкий свитер нашелся в закутках шкафа, куда уже давно не попадал солнечный свет. В таком наряде она ощущала себя новоявленной студенткой медицинского колледжа, молодой, скромной и, главное, свободной.

Повседневный же гардероб Натальи вот уже два года состоял из строгой блузки и юбки всех промежуточных оттенков от серого до черного. Она принципиально не надевала белый врачебный халат, посчитав, что пациент должен видеть в ней, прежде всего друга, обычного человека, которому можно открыть душу, а не обезличенного стереотипного психотерапевта, норовящего подключить к вискам пару электродов и пропустить через мозг тысячу вольт.

– Ручная кладь? – спросил регистратор, перелистывая ее паспорт.

– Вот, пожалуйста.

Пластиковая бирка «ручная кладь» слиплась на сумочке. В руке посадочный талон.

Еще можно отказаться, еще не поздно. Выход на улицу рядом. Таксист еще не уехал.

Наталья пересилила взбунтовавшиеся мысли и поднялась в зал ожидания.

Аэропорт – место удивительное. Больше нигде в мире не собирается под одной крышей такой разнообразный эмоциональный пучок энергии. Здесь слезы радости и печали, приступы страха и всплески адреналина. Если эту энергию преобразовать, и направить в нужное русло можно питать электричеством небольшой город.

Испытание толпой давалось Наталье нелегко. Слишком долго она избегала выхода в люди, став настоящим отшельником в большом городе. Сделала она это осознанно и слишком заигралась. Пациенты стали для нее единственной связью с реальностью. Она все больше ощущала себя собственной пациенткой, с которой приходилось дискутировать, выслушивать истории из жизни, ставить психологические барьеры и давать советы. Прислушавшись к одному из них, она и оказалась здесь.

По телевизору в зале ожидания крутился новостной ролик. От гула пассажиров звука не было слышно, а может его и вовсе отключили. Видеоряд содержал кадры десятков карет скорой помощи и полиции с включенными мигалками, окруживших самолет на взлетно – посадочной полосе.

Да разве можно это показывать?

Руководство аэропорта жгло спички на пороховой бочке. По статистике более пятидесяти процентов людей страдают аэрофобией и это только официальные данные. Наталье самой неоднократно приходилось работать с подобными пациентами и, признаться, перспективы излечения не высоки. Люди слишком сильно подвержены влиянию негативной информации, пусть даже точечной. Статистика и почти нулевая математическая вероятность оказаться в падающем самолете по силе воздействия меркнет в сравнении с раскрученной СМИ катастрофой единственного лайнера где –нибудь в Новой Гвинее.

Наталья поймала на себе взгляд. Несмотря на давно доказанный факт, что женское периферическое зрение намного более развито, чем мужское, представители сильного пола продолжают упорно игнорировать сей факт.

Молодой парень, не старше тридцати пяти пристально наблюдал за ней. Хотя она ни разу не взглянула на него прямо, его внешние качества и горящие желанием карие глаза давно оценены и приняты ей к рассмотрению.

Что – то было в нем знакомое, какое – то родное.

Наталья попыталась вспомнить, когда в последний раз ощущала себя желанной и нужной мужчине. Кажется, это было в прошлой жизни и вообще не с ней. Она упорно

отрицала факт, что соскучилась по мужскому теплу и даже заставила себя поверить, что так будет лучше.

Ну же, молодой человек, будь смелее.

Диспетчер объявила о завершении регистрации пассажиров на рейс 1661.

Наталья вдруг вспомнила о Диме. Один психологический барьер только что сломлен. И если это вина глазающего молодого человека, он только что заработал отрицательные очки. Внезапно, ее осенило, и она взглянула на него пристальней. Тот от неожиданности быстро ретировался и опустил взгляд на журнал «Караван истории». Хорошо хоть он был не к верх ногами.

Так вот в чем дело – молодой человек действительно похож на ее бывшего мужа. Худощав, но не дохляк, скулы очерчены четко и плавно переходят в острые губы. Она представила их мягкий вкус и по телу пробежали мурашки. Она поймала себя на том, что зажмурилась и облизала верхнюю губу. Может быть это оно? Может быть, уже настала пора забыть и начать полноценную жизнь? Один шаг она уже сделала, стоит ли решиться на второй?

Подпись к телерепортажу: «Убийство на борту самолета».

Люди показывали пальцем на экран и шептались между собой. Некоторые не на шутку испугались и прикрывали рот ладонью, особенно в тот момент, когда на экране появилось изображение родного аэропорта Емельяново, в котором все они сейчас находились. Если некоторые пассажиры сдадут свои билеты и откажутся от полета, авиакомпании должны знать, кому предъявить иск. Не каждая информация полезна.

Теперь ясно, откуда взялись пробки на подъезде к аэропорту, журналисты с камерами и множественные наряды полиции. Накануне на рейсе из поселка Ванавара, что на севере области, в Красноярск произошел конфликт между пассажирами, в результате которого один из них погиб. Жаль, что родной Красноярск вновь прославился на всю страну печальным известием.

Диспетчер объявила посадку на рейс 1661.

Наталья надеялась, что парень все – таки решиться с ней заговорить, для этого она собиралась, как бы случайно пройти мимо него.

Ожидания не оправдались. Молодой человек сделал вид, что биография Бродского ему интересней девушки, на которую он пялился последние пятнадцать минут.

Ничего. И не такое переживала. Впереди еще целая неделя приключений. Единственное, что не давало ей покоя – это оставшиеся пациенты. Конечно, все они проинформированы об ее отъезде и знали номер для экстренной связи. Но что если случится серьезное и ее не будет рядом?

Нужно настроиться на позитив. Все будет хорошо.

Почувствовав необычный прилив сил, она искренне улыбнулась девушке на стойке, оторвавшей кусок посадочного талона. Прохладный осенний ветер принес с собой запах падающей листвы и выхлопных газов. Сквозь кучные тучи выглядывал полумесяц и указывал ей путь своим острием. Путь в новую жизнь и, на этот раз, она непременно готова.

За два часа до посадки пассажиров

Бытует мнение, что рамки металлодетекторов, установленные в аэропорту, приводят к развитию онкологических заболеваний. Бывали случаи, когда пассажиры наотрез

отказывались проходить проверку и тогда сотрудник службы безопасности попадал в незавидную ситуацию. Пропустить гражданина без проверки нельзя, каждый шаг фиксируется камерой видеонаблюдения, ощупывать лицо противоположного пола запрещено, наличие в смене сотрудницы женщины хоть и регламентируется, но не всегда соблюдается.

– Я один раз в такой ситуации бывал. У нас в группе одни мужики были, а баба одна возмутилась, мол беременная я. Так я ее отвел в комнату и хорошенько проверил во всех местах, а потом еще раздеться заставил.

– Михалыч, а ничего, что я все слышу? – Катарина прошла рамку и пригрозила ему пальцем.

Металлодетектор промолчал, просигналив зеленым.

Михалыч, наверное, самый опытный оператор на всей территории Сибири, сгустил пышные таджикские брови, уставившись в монитор.

– Катюха, ты же не из баб, а из этих вот, девчулей. Хм, а бельишка то откровенного везешь куды ль столько? Аль мужика нашла?

– Не твое дело. И нет белья никакого тут, – Катарина подхватила сумку, выехавшую из сканера, и собиралась заглянуть внутрь, чтобы развеять нахлынувшие сомнения.

– Наивная ты девчуля. Шуток не понимаешь.

– Все я понимаю.

Михалыч привстал и указал на туфли.

– Эти то, небось, ношенные много. Они – то точно должны уже светиться как Фокусима.

– Да ну тебя.

Михалыч расхохотался, но, заметив черно – белые фуражки на подходе, замолк и подмигнул ей.

– И тебе удачного дня, – ответила Катарина. – Буду здесь через три недели, привезу, как и обещала.

– Ты просто чудо девчуля.

Черт дернул ее пообещать ему килограмм желудей. Нужны они ему вообще? И ведь не отвертишься. Не привезешь, так в глаза его обидчивые не решишься взглянуть. Со злости еще выдумает пакость и не пропустит. Кто знает, что у него там в голове. Говорят, он воевал где – то.

Катарина поднялась в Брифинговую. Несмотря на легкую усталость в ногах, она как никогда радовалась последней рабочей смене. Завтра она доберется на попутном рейсе с Питера домой в Нижний Новгород и отпуск, только она, дочка и никого больше, целых три недели.

Перед предполетным брифингом для Катаринины наступает самая волнительная минута – знакомство с бригадой. Нет, она, конечно, знала всех пилотов и бортпроводников авиакомпании лично, но именно на брифинге узнаешь – с кем работаешь сегодня. Каждый перелет воспринимался ей как маленький цикл жизни, имеющий начало и конец, поэтому к составу бригады она относилась со всей серьезностью, а сегодня это было особенно важным.

Пока со спины она узнала только главного бортпроводника Веру. Ее трудно перепутать с кем – либо еще. Рост без каблуков достигал почти метра восьмидесяти, что существенно выделяло ее даже из толпы мужчин, а короткая прическа и стручковая фигура нередко приводили к тому, что с мужчинами ее могли просто перепутать. Такие как Михалыч и вовсе

не упустили момента язвительно подшутить. Вера, конечно, не подавала вида, что низкопробный юмор ее задевает, не удосуживаясь наградить наглецов даже снисходительным вниманием. Но женщина есть женщина. Катарина несколько раз замечала, как Вера возвращалась из туалета с покрасневшими глазами.

За полукруглым ореховым столом сидели пилоты, изучали маршрутные задания и техническую документацию на борт, оставленную предыдущими экипажами. Напротив каждого покорителя неба аккуратно лежала фуражка, обязательно повернутая лицом к хозяину. Пилотская форма вводила Катарину в визуальную эйфорию. Белоснежные рубашки, галстук и черно – желтые погоны – идеальное сочетание вкуса и стиля. Если у нее и будет муж, то обязательно пилот.

Денис Соболев и Ваня Мальцев помахали ей у одной из трех огромных карт России и мира, развешанных по стенам вкруговую. С ними она летала позавчера в Москву, а между рейсами им вместе удалось вырваться и сыграть партию в боулинг. Да, она и в правду сделала двух мужиков, а потом налопалась пиццы за их счет. Жаль, что, таких как они единицы.

– Всем добрый вечер, – Катарина воткнула выдвижную ручку в нишу своего чемодана и подперла ногой.

Вера просто кивнула, а вот капитан воздушного судна Миронов расцвел фирменной улыбкой в сто зубов. Он юморил всегда и вызывал неконтролируемую улыбку даже когда хотел казаться строгим. Складки между его бровей сморщивались глубокими вертикальными линиями, напоминающими жерло вулкана, над которым висел кожаный округлый гриб.

Третьего бортпроводника до сих пор не было и Катарина уже обрадовалась, что может быть все – таки это будет не Миша. Он никогда не опаздывал.

Миронов кивнул Вере и та по стойке смирно начала говорить:

– Докладывает главный бортпроводник Вера Андрейченко. Экипаж состоит из трех бортпроводников. Катарина Юрченко и Михаил Голубев в экономическом. Я в бизнес классе. На борт зарегистрировано тридцать семь пассажиров.

Катарина натянула улыбку, но внутри у нее все сжалось от негодования.

– Опять проспали конец сезона, – на лбу Миронова взорвался недовольный вулкан. – Два рейса в день на дохлый маршрут. Гляди, в следующий раз вообще десять голов повезем. О чем они там думают?

Вопрос его был адресован в воздух.

Сегодня экипажу предстоит совершить рейс 1661 по маршруту «Красноярск – Емельяново – Санкт – Петербург – Пулково».

Вера протянула планшет с документами Миронову.

– Взгляните, кто у нас в багажном.

– Ого. Это сколько же надо было документов собрать. Сопровождающая есть?

– Да, в салоне эконома.

– Второй пилот, глянь. Температуру надо не забыть поднять в багажном, а то замерзнет парень.

Юрген мельком глянул в документы и кивнул. Катарина собиралась спросить, кого же они там перевозят, но ее отвлек появившийся в дверях Миша. Он быстро на цыпочках проскользнул к ним, так что даже колесики на чемодане двигались тише обычного.

Ему Миронов уже не улыбался, а обратился ко второму пилоту:

– Данные по погоде?

– Видимость две тысячи. Боковой ветер пять узлов. Заход на посадку планируется

по первой категории. Прогноз и сводка в маршрутке, – Юрген, как всегда, протараторил быстро и без запинки, будто и не читал вовсе, а говорил по памяти.

Вообще – то он просил называть его Юрой, почему – то стесняясь настоящего имени, доставшееся ему в честь деда, немца по происхождению. И это была чуть ли не единственная информация известная о прошлом Юргена. Многие сторонились его и Катарина не исключение, потому как поболтать с ним о чем – либо, кроме работы, было невозможно.

В комнату вошли два пилота и показательно бросили фуражки на стол. Все отвлеклись.
– Москва закрыта. Циклон идет с севера на юго – восток. Буря столетия прям. Нас задержали пока на два часа. Но походу все шесть просидим.

Миронов и Юрген глянули друг на друга.

– Нужно курс уточнить, – приказал Миронов.

Юрген кивнул.

Пилоты отправились готовить самолет к вылету. Вера, как это положено, устроила Катарине и Мише проверку знаний по процедурам эвакуации и аварийно – спасательному оборудованию. Катарина ответила на все вопросы без заминки. Она могла это сделать даже во сне. Миша постоянно запинался и юлил, к тому же в этот раз никаких подсказок от Катаринины он не получил. Вера железной рукой отметила оценки в ведомость и отправилась в стартовый медицинский пункт на проверку, Катарина и Миша последовали за ней.

Из – за искусственного освещения аэропорта на небе почти невозможно разглядеть ни одной звездочки, но Катарине все же удалось найти единственную, совсем смуглую, как пятнышко на стекле, и загадать желание.

Катарина обожала эти недолгие секунды, перед тем как подняться на борт. Несмотря на свой уже не маленький опыт, она все еще, как младенец восхищалась видом великолепного стального орла. Хвост и часть фюзеляжа спереди были выкрашены в синий цвет (дизайнеры посчитали – это намек на снег), чуть выше хвоста была надпись «Сибирь – Авиа». Каждая буква несла на себе снежную шапку, отчего даже летом создавалось впечатление приближающихся новогодних праздников, как в одной знаменитой рекламе с красными грузовиками с Кока – Коллой.

Артур первый перелет помнил до сих пор. Вместе с мамой и братьями он летал к бабушке в Москву погостить году так в 1992. Весь полет он просидел, впившись не окрепшими ногами в обивку сидения ТУ—154, ни разу не осмелившись взглянуть в иллюминатор.

Папа говорил: «Птицы не железные, поэтому и летают».

А еще он говорил: «Человек создан, чтобы ходить по земле. Природу не обманешь, а если попытаешься, она жестоко накажет».

Тогда маме с трудом удалось заставить Артура сесть на обратный рейс до родного Красноярска. Прошли годы, и ему удалось не просто победить страх, но и научиться над ним насмехаться. Долгие часы по пути в бесконечные командировки заставили поверить, что природа решила отложить свое наказание если он перестанет бояться. И он перестал.

Ярко – рыжая стюардесса со странным именем Катарина (может быть родители чихнули, когда диктовали имя паспортисту в роддоме?) улыбнулась веснушками и разрешила

сесть на любое свободное место. Ему понравилась ее забавная пилотка слегка сдвинутая набекрень.

Самолет не первой свежести, но достаточно ухоженный. Пластиковые крышки багажных отделений отмыты до белоснежного блеска, ковры вычищены, хотя в труднодоступных местах рисунок затемнялся на пару тонов. В каждом ряду по три кресла слева и справа от прохода, их поверхность обтянута достойной кожей голубого оттенка с удобными выпуклыми подголовниками.

Ночь уже не стеснялась давить на уставших людей. В полупустом салоне, несмотря на яркий свет, стояло устойчивое многоголосное посапывание. На дальних рядах некоторые улеглись сразу на трех сидениях, как на кровати. Бортпроводник Катарина устремилась к ним сообщить, что при взлете они должны сесть и пристегнуть ремни.

В капельках морозящего дождика, скатывающихся по иллюминатору, многократно отражались мигающие огоньки с кончиков крыльев. Работники аэропорта закончили сгружать багаж в самолет. Грузовая дверь захлопнулась чувствительным стуком по ногам.

Нос еще не привык к запаху. И не надо говорить, что в самолете ничем не пахнет. Артуру довелось полетать почти на всех типах существующих пассажирских лайнерах и на всех есть этот запах. Нет, это не специальный освежитель воздуха, и даже не запах внутренних частей самолета. Да и вообще это не запах как таковой. Один из бортпроводников на рейсе Москва – Нью – Йорк, с которым они долго болтали, как – то шепнул Артуру причину. Оказывается, воздух, которым дышат пассажиры, поступает в салон после компрессора двигателя и естественно в тот момент он необычайно сильно нагрет (пилоты называют его «жареным»). Далее системой охлаждения воздух остужается, смешивается с ледяным забортным и распределяется по салону через систему кондиционирования. Итогом всей этой сложной процедуры является почти полное отсутствие водяного пара в воздушном пространстве самолета. В обычной жизни человек крайне редко дышит таким воздухом, отчего наш нос моментально чувствует разницу.

Артур обратил внимание на мальчика, рядом с женщиной лет пятидесяти. В руках он держал книжку Гарри Поттера – специальное издание с большим количеством красочных рисунков и фотографий. Артур узнал ее потому что накануне пролистывал такую же в книжном магазине, наравившись приобрести в подарок племянникам. В итоге он решил отложить покупку пока не окажется у них в гостях в Москве чтобы не тащить за собой лишнюю ношу через пол страны. Нужно поставить себе галочку, чтобы не забыть.

Артур остановился у десятого ряда и взглянул на девушку в синих джинсах с короткими светлыми волосами, сложенными полукольцами на ушах. Она взглянула в ответ и сразу убрала глаза.

– Позволите? – спросил Артур.

– Что простите?

– У вас свободно?

Она посмотрела на два пустых кресла рядом в легкой растерянности.

– Наверное.

Артур бросил сумку на верхнюю полку, захлопнул крышку. С последнего ряда на него подозрительно косился мужчина. Он одет в охотничью униформу, лицо заросшее и не мытое. На щеке у него повязка из слоеного бинта, приклеенная лейкопластырем в форме буквы Х. Артур заметил его еще в аэропорту, мужчина толкнул его плечом на выходе из туалета и не подумал извиниться. Артур никогда не ввязывался в пустые конфликты, но в тот раз едва

сдержался, чтобы не сделать наглещу замечание.

Артур почувствовал себя неудобно под его взглядом и присел в кресло.

Девушка смотрела прямо перед собой, но Артур знал, что женское периферическое зрение развито гораздо лучше мужского. У него не оставалось сомнений, что прямо сейчас она пользуется этой природной несправедливостью и сканирует его с головы до ног.

– Кажется, было не облачка, а уже дождик откуда не возьмись, – Артур указал взглядом в иллюминатор.

Девушка проследила за его пальцем, а он, между делом, выругал себя за столь дурацкое начало разговора. Эй, он же не раз это делал и редко когда так волновался.

– Ну да, – она слегка улыбнулась.

Это хороший жест.

– Куда летите? – до него не сразу дошла вся абсурдность его вопроса.

– Туда же, куда и вы.

– Ах, да. Глупый вопрос. Меня Артур зовут.

– Наталья.

– Очень приятно.

Она кивнула с улыбкой. Значит и ей приятно.

– Скажу вам честно, это на самом деле не мое место по билету.

– А чье же?

– Не знаю, – Артур пожал плечами.

– Тогда зачем вы сели?

Она посмотрела ему в глаза, и веки ее так забавно задрожали, будто она съела кусочек лимона. Ответ крутился у него на языке, но ему захотелось продлить этот момент на чуточку дольше.

Впереди неожиданно раздался крик:

– Ты овца жирная, следи за своим пузом!

Пухленькая девушка лет двадцати с длинными волосами, сплетенными в фиолетовые и зеленые дреды, убирая сумку на верхнюю полку, коснулась впереди сидящей молодой девицы и та опрокинула на себя открытую бутылку воды.

Две спутницы девицы, с виду как сестры тройняшки, уставились на обидчицу. Глаза их по кругу одинаково накрашены черными тенями так, что создавалось впечатление, будто они в очках. Девушка с дредами презрительно взглянула на тройцу, воткнула в уши наушники и села на кресло, кивая головой в такт музыке. Судя по частоте кивков, в плеере играл тяжелый рок.

– У вас все в порядке? – бортпроводник Катарина обратилась к бунтующей девице.

– Она меня толкнула. Овца тупая. Я вся мокрая.

Девица с оскалом вспорхнула с кресла и впиалась взглядом в обидчицу, как готовый к атаке бык. В итоге бык оценил свои худосочные габариты и решил остаться трусливой овцой, вернувшись в кресло. Девушка с дредами наблюдала за выскочкой, спокойно пожевывая жвачку.

Бортпроводник Катарина незаметно подмигнула ей и, встав как регулировщик, принялась рассказывать об аварийно – спасательном оборудовании и правилах эвакуации.

Тройца девиц зашепталась. Артур называл таких будущими старыми клячами. Толку от них ноль, а шуму как от дворовых бабок.

– Вот дает. Молодец. Не растерялась и не стесняется полноты своей, – Артур

облокотился на правый подлокотник, чтобы стать на пару сантиметров ближе к Наталье и насладиться вкусом ее сладковатых духов.

– Равнодушие – это ее защитный механизм, который формируется годами. Он минимизирует переживания. Внешне она выглядит спокойной, но это не так.

Наталья словно очнулась от того, что сказала и опустила взгляд, сопроводив Артура виноватой улыбкой.

– Продолжайте, вы, видимо хорошо разбираетесь в людях.

– Это моя работа.

– Журналистика?

– Психотерапия.

– Ого, тогда я точно по адресу.

Наталья прищурила взгляд, как бы играючи изображая осмотр пациента.

– Никаких внешних признаков, – заключила она.

– Они все здесь, – Артур приложил руку к груди.

– Сердечно – сосудистые заболевания не по моей части.

Артур рассмеялся, отвел в сторону сопло кондиционера над головой, затем разорвал полиэтиленовую упаковку с пледом. Он расправил его и взглядом предложил Наталье.

– Нет, не нужно. Спасибо.

– Я же вижу, вы дрожите и руки трясутся. Тут действительно прохладно.

– Тогда я сама, – Наталья взяла плед по краям, стараясь не прикоснуться к его рукам, и накрыла ноги.

– Я мог бы согреть ваши руки в своих, но боюсь это слишком дерзкий поступком после пары минут знакомства.

– В аэропорту вы не были таким смелым.

– О чем это вы?

– Да так, ни о чем.

Артур отодвинул рукав куртки.

– Ох, черт. Видимо, часы потерял.

Он заглянул под сидение, прошарил взглядом пол. Вытащил, купленный в аэропорту «Караван истории» из кармана сидения, проверил и там.

Капитан воздушного судна зачитал приветствие и рассказал о хорошей погоде в аэропорту назначения.

– Так вот же они, – Наталья указала ему на другую руку.

– Ох, рассеянный я сегодня. Так торопился, что руку перепутал, – Артур переместил часы с правой на левую. – Так – то лучше.

Он постучал по стеклу циферблата, чтобы убедиться, что они идут.

– Немного припаздываем. Уже должны были взлететь пять минут назад, а еще даже не отъехали от стоянки.

– Я никуда не тороплюсь, – Наталья положила голову на спинку и закрыла глаза.

– И я, – Артур последовал ее примеру.

– В Питере у тебя конференция врачей, или что – то в этом роде?

Ее губы слегка разъехались в улыбке от того, что он без спроса перешел на ТЫ.

– Что – то в этом роде, – Наталья едва удержалась от зевоты.

– И у меня командировка, очередная. Я юрист.

Гул двигателей не раздражал, а наоборот расслаблял и убаюкивал. Легкая вибрация

массировала все тело, будто к креслу подключили электричество, поток бессилия разлился по венам. Артур погрузился в дрему и где – то далеко звучал голос капитана, сообщавший о задержке рейса из – за отставших пассажиров.

Из бизнеса – класса донесся женский возглас:

– Почему я должна кого – то ждать?! Немедленно взлетайте!

Артур открыл глаза. Кричала длинноволосая блондинка. Барышня лет тридцати восьми, отчаянно пыталась казаться двадцатилетней. Реальный возраст выдавал толстый слой тонального крема, через который бугорками выступали мелкие пузыри – родинки, чередуясь с канавками морщин. Наклеенные ресницы, почти доставали до лба, а перекаченная верхняя губа искривилась треугольником так, что рот никогда плотно не закрывался.

Бортпроводник Катарина первой подоспела к блондинке и, нагнувшись, случайно задела рукой ее проволочный начес на макушке.

– Убери руки! – блондинка отмахнулась, чуть не снеся Катарине челюсть.

Бортпроводник Вера уже бежала на помощь.

– Что за авиакомпания у вас, дурацкая, а? Она мне чуть клок не выдрала.

– Извините, я не хотела.

Вера скомандовала Катарине взглядом убраться подальше. Испуганная девушка убежала в хвост.

– Простите, за доставленные неудобства.

– Я сказала, что напишу жалобу в вашу авиакомпанию на вас и на эту шалаву рыжую. Какое право вы имеете задерживать рейс?

Вера проглотила все сказанное и железным тоном продолжила:

– Решение о взлете принимает пилот.

– Я сказала зовите пилота сюда быстро. Пусть он здесь всем объясняет, почему мы тут ждем.

– Пилот готовится к взлету, он не может покинуть кабину.

– Я сказала, зови его сюда или пожалеешь. У меня мероприятие утром, ты знаешь, что будет, если я опоздаю? Ты знаешь девочка кто я?

Троица девиц в экономическом зашептала, оттуда же Артур услышал имя – Карина Порше. Оно часто звучало в новостях шоу – бизнеса. Дама появлялась на гламурных ток – шоу и позиционировала себя певицей и танцовщицей, а также делала все, чтобы спровоцировать скандал и засветиться в новостных сводках.

Вера смотрела на нее виновато и продолжала бессмысленные попытки успокоить.

– Где эта рыжая? Пусть идет и извиняется, что все волосы мне вырвала. Я ее засужу, ясно вам? Все в стране узнают о вашей говнокомпании.

Девицы с завистью и восхищением снимали происходящее на мобильные телефоны.

Карина Порше достала телефон, инкрустированный настолько яркими камнями, что создавалось впечатление, будто выложенный из них логотип одного известного дома моды шевелился, как живой. Она включила запись и направила камеру на себя.

– Вот эти люди оскорбили меня и пытались избить, а теперь по их вине самолет не летит, – она снимала Веру и, подошедшего на подмогу, парня бортпроводника. – Я не могла молчать против этой несправедливости. Это Карина Порше, я буду держать вас в курсе, мои дорогие подписчики.

Бортпроводники молчали, изображая истуканов.

– Правильно делают, что не провоцируют ее, – прокомментировала Наталья. – Она

только этого и ждет.

Пассажиры шепотом, а некоторые уже вслух, выражали свою поддержку и солидарность с новоявленным борцом против несправедливой задержки рейса.

– Они что не понимают, что она того... ненормальная? – сказал Артур.

– Примитивный эффект толпы. Любой критический разбор ее слов, будет воспринят в штыки, даже теми, кто не столь радикален. Так что я бы советовала молчать и не ввязываться.

И не такой Артур дурак чтобы самому этого не замечать. Он просто не умеет так изящно анализировать.

– Я и не собирался влезать.

– Люди склонны двигаться за общей массой и громкими утопическими идеями. Те, кто поворачивается лицом к толпе, всегда будет в меньшинстве. Это благородно, но не безопасно для здоровья.

Артур переварил все сказанное, а Наталья слегка смутилась.

В иллюминаторе моргнули синие огни. На этот раз сигналы принадлежали не самолету, а автомобилю ДПС, сопровождающему черный тонированный автомобиль.

– Вот и виновники торжества, – сказал Артур.

Первым в самолет вошел личный телохранитель важной персоны. Голова у него, в сравнении с широкими плечами, несоразмерно маленькая, а кожа с оттенком яичного желтка. От одного взгляда на левый глаз, обрамленный обожженной кожей, на языке появлялся привкус плавленной пластмассы. На груди через расстегнутые пуговицы рубашки виднелся золотой крест размером с голову ребенка.

Телохранитель осмотрел пассажиров, затем верхние багажные полки и нишу под креслами. Карина Порше не решилась ничего возразить и даже убрала телефон в сумочку.

В салон вошли еще двое мужчин. Одному чуть за пятьдесят, второй значительно моложе.

Бортпроводник Вера указала гостям их места. Мужчина постарше не стал садиться и прошел к шторкам, отделяющим бизнес класс от эконома.

– Прошу прощения, что задержал ваш рейс на...

– Двадцать минут, – подсказал помощник.

– На двадцать минут. На дорогах пробки из – за полиции и журналистов, которые, кажется, решили, что Красноярский аэропорт подвергся атаке террористов.

Депутата государственной думы Воронского Глеба Яковлевича узнали все.

Бортпроводник Вера попросила гостей занять места и пристегнуться. Бортпроводник Михаил закрыл непроницаемые двери.

– Глеб Яковлевич, – обратилась Карина Порше к дорогому гостю и протянула расслабленную ладонь. – Не ожидала вас увидеть.

– Привет Кариночка. Ты как всегда великолепна, – он прикоснулся пальцами к ее ладони, да так аккуратно, будто боялся, что она рассыплется в прах.

– А мы вас заждались.

– Рабочий процесс так просто не прервешь. Дела.

– Вы все похаете и похаете. А отдыхать когда?

– Только в такие минуты, Кариночка.

Помощник шепнул бортпроводнику Вере на ухо о предпочтениях начальника в алкоголе (это было заметно по его жесту, изображающему бокалы в руке) и та, кивнув, еще раз попросила их сесть и пристегнуться.

Бортпроводник Михаил вернулся в эконоом и задернул шторку. Троица девиц осталась без завораживающего зрелища.

Самолет двинулся с места. Артур проверил ремень, убедился, что не жмет.

– А как это поведение называется? Приспособленчество?

– Здесь нет никаких глубинных психических вопросов. Обычный прагматизм.

Депутат Воронской действительно выгодная во всех отношениях фигура. Бывший бизнесмен входил в сотню самых богатых людей России. Свою строительную корпорацию он переписал на старшего сына, известного в тусовочной среде Москвы по сумасшедшим дорогостоящим выходкам, которые всегда, по волшебным стечениям обстоятельств, сходили «золотому» отпрыску с рук. Воронской также известен борьбой за нравственность и щедрыми пожертвованиями на строительство храмов по всей стране.

Самолет выкатился на взлётно – посадочную полосу. Капитан дал последние указания бортпроводникам и сообщил, что самолет готов к взлету. В салоне погас свет. Бортпроводник рассказывал Артуру, что взлет и посадка самые опасные процедуры полета, глаза пассажиров должны быть адаптированы к естественному забортному освещению, иначе в случае аварийной ситуации человек может замешкаться и потерять ориентацию пока глаза не привыкнут к темноте. Этой уловкой пользовались еще средневековые пираты, закрывая один глаз снаружи черной повязкой, чтобы смотреть им, входя в темный трюм.

Смех Карины Порше, такой же искренний, как реклама безалкогольного пива, доносился из – за ширмы. Его не мог заглушить даже нарастающий шум двигателей. Артур надеялся, что в попытке использовать внезапно рухнувшую удачу, кожа на лице Карины Порше не даст трещин.

Наталья сцепила руки между собой. Они дрожали.

– Все будет хорошо.

– Я и не сомневаюсь, – она одарила его улыбкой, но было в ней что – то напряженное, вымученное.

Многотонная машина набрала скорость и оторвалась от земли.

Глава вторая

Юрген установил скорость и высоту на панели автопилота, в очередной раз проверил системы жизнеобеспечения и сигнальную аппаратуру. Все работало в штатном режиме.

Из – за циклона, окружившего Москву и окрестности, пришлось корректировать курс. По расчётам это добавит к задержке еще пятнадцать минут. Придется увеличить скорость, чтобы нагнать время, а это существенно ударит по бакам топлива.

Решение Миронова дождаться депутата сильно разозлило Юргена. Пресмыкание боссов авиакомпании перед начальством вполне объяснимо – политика и лояльность для них хлеб насущный. Но пилоты, прежде всего, должны думать о пассажирах. Нет нужды колебаться, все записано в правилах. Их всего лишь нужно соблюдать, а не прогибаться под давлением московских олухов. Никаких санкций за отказ пилоту не последовали бы и Миронов это знает. Хорошие отношения с начальником для него дороже репутации коллег. Чертов слабак.

Скорость росла равномерно. Высота уже три пятьсот.

Миронов связался с Верой и попросил кофе.

В отличие от него Юрген не попрошайничал кофе у бортпроводников. Ему не хотелось лишний раз разговаривать с этими неприятными людьми. Их глупая болтовня, их плоские шутки, тупые рассуждения – от всего этого его кипятило изнутри.

Чтобы не уснуть он переводил в уме растущую высоту из футов в метры. Задранный нос самолета смотрел в небесную черноту, юркие струйки дождевой воды возникали ниоткуда и разбегались по кругу от центра лобового стекла, как стайки червяков.

В памяти возникли события вчерашнего вечера. Юрген пытался отвлечься, изучал показания приборов, но воспоминания вновь возвращали его на детскую площадку. В парке она особенно хороша – современные горки и песочницы чередуются со старыми советскими турничками, отреставрированными кое – как и выкрашенными в желто – зеленый. Детишки смеялись и резвились: три мальчика и девочка вращались на карусельке; еще четверо катались с пластиковой горки, подняв ручки; четырехлетний мальчик сорвался с турника и разбил нос. Плакал он громко и навзрыд пока мать, наконец, не отвлеклась от смартфона.

В воздухе витал запах клубничного мороженого. Под детскими ножками паутинки сахарной ваты смешивались с грязью в липкие, облепленные муравьями, комочки.

Юргену нравилось здесь бывать. Он никогда не стоял на месте, прогуливался вокруг или проходил насквозь будто бы случайно. А еще он никогда не смотрел родителям в глаза и не ходил в один и тот же парк чаще раза в месяц. Он боялся. И не только того, что его поймают, он боялся себя, того, что рано или поздно не выдержит и решиться.

Однажды он едва не переступил грань. Мальчик отбил от детской площадки и внимания родителей, оказавшись у него на пути. Только Юрген, он, и никого вокруг. Мальчик совершенно не боялся и от этого у Юргена бешено заколотилось сердце. Напряжение между ног достигло невыносимого предела. Юрген спросил мальчика, где его мама и тот дружелюбно указал направление. Тогда он предложил мальчику проводить его и взял за руку. Его маленькая ручка утонула в ладони Юргена. Она была мягкая и покрыта мокрым прилипшим песком. Тропинка вела в восточную часть парка к разрушенному советскому кинотеатру. Когда они достигли развилки, от волнения Юрген слишком сильно сжал его ладошку. Мальчик начал вырываться, Юрген не мог сообразить, что делать, но руку

не отпускал. Мальчик закричал и Юрген со страху обоссался. Мальчик убежал. Юрген сидел на коленях и рыдал. Он ненавидел себя и хотел умереть, умолял, чтобы отец мальчика забил его до смерти, потому что в следующий раз он непременно сделает еще шаг вперед и пути назад уже не будет.

Высота 27000 тысяч футов. Нет желания перемножать на три десятых.

Убравшись из парка, Юрген пообещал навсегда завязать. Он подумывал обратиться к психологу, но решил, что не сможет на сеансе даже открыть рта.

Остаток вечера он провел за игрой в компьютер в любимый онлайн – шутер. Его виртуальный герой был широко известен в игроманских кругах, как один из лучших спецов по орудованию топором и бензопилой. На его счету две тысячи проломленных голов и бесчётное количество отрубленных конечностей врагов. Его аватар увешан самыми престижными виртуальными наградами:

«Маньяк года», «Лучшее ритуальное убийство», «Лучший охотник клана мясников».

Юрген очень гордился почетными званиями и расстраивался, что на работе некому было оценить его достижения.

– Как зовут? – Юрген указал на фото, которое Миронов приклеил на скотч в зазор между лобовыми стеклами.

Миронов внимательно смотрел на Юргена, как бы переваривая в голове, а не шутит ли он? Они летали вместе уже не один десяток раз и Юрген впервые спросил об этом.

– Внук мой Тимка. Тимофей.

– Хорошее имя.

Миронов отлепил фотографию и протянул Юргену.

– Здесь ему четыре годика исполнилось. Сейчас уже почти пять, но на вид уже все семь.

Дочери говорю, зачем кормишь сына дрожжами.

Юрген провел большим пальцем по фотографии.

– Чем то на вас похож.

– И дочка также говорит, – Миронов победно щелкнул пальцами. – Вот природа какая удивительная штука. Старались, старались, а ребенок на деда похож.

Миронов расхохотался. Юрген поддержал вымученной улыбкой.

Напряжение между ног росло. Он до боли сдавил колени.

Катарина загрузила бутылки с водой и пакеты с соками в тележку. Миша возился с аварийными кислородными баллонами. Хотя он всегда брал на себя работу по загрузке тележки, Катарине совершенно не хотелось просить его ни о чем сегодня.

Даже отсюда, из задней кухни, за закрытыми шторками было слышно, как в бизнес классе разгоралась пирушка. Громче всех раззадорилась та самая блондинка. Катарина не могла вспомнить ее имени, это как – то связано с маркой автомобиля.

Ее очень беспокоил произошедший конфликт. Если блондинка действительно сдержит обещание и обратиться с жалобой, у Катарини могут возникнуть серьезные проблемы, вплоть до увольнения. Учитывая «звездность» персоны руководство ради пиара расправиться с Катариной публично. Быть уволенной означало лишиться не только столь необходимого заработка, но и любимой работы. Шанс устроиться в другую авиакомпанию с багажом «драки с пассажиром» практически равен нулю. Да и не было никакой драки, она всего лишь слегка задела прическу, просто чуть запнулась. Не понятно, зачем блондинка так все

раздула? А может Катарина и правда задела слишком сильно? Она тогда так переволновалась, что память и не записала того момента.

Миша закрыл дверцу с кислородными баллонами и встал рядом с тележкой, приготовившись толкать. Он даже не спросил все ли готово. Его взгляд быстро перемещался то вбок, то на тележку, то в окно иллюминатора – куда угодно, но только не на нее. Такой показательный протест оскорблял Катарину до глубины души. По прилету она собралась написать заявление и попросить, чтобы ее больше не ставили с Мишей в бригаду. Забавно, точно такое же заявление она писала год назад с обратной просьбой.

Они прошли через весь салон к началу эконома класса, чтобы медленно, продвигаясь к хвосту, предлагать прохладительные напитки пассажирам.

В салоне включили свет. Пассажиры с неодобрением косились на бортпроводников, сонными глазами.

Катарина думала только о блондинке. Их разделяли всего – навсего две, смятые гармошкой, шторки. Катарина боялась сделать даже лишний вдох, чтобы не выдать свое присутствие.

Вере сейчас не позавидуешь.

Миша потянул тележку на себя в тот момент, когда Катарина на нее облокотилась. Она едва не завалилась посреди прохода.

Ей богу, он вел себя, как обиженный ребенок.

Миша и Катарина познакомились на курсах бортпроводников два года назад. Молодой светловолосый мальчик поразил девчонок группы добротой и отзывчивостью. Он с большим удовольствием болтал с ними о моде, шоппинге и, конечно, о самолетах. О них он знал все и на любой вопрос отвечал быстрее книги, всегда помогал на экзаменах, порой даже в ущерб себе. Мальчишки его невзлюбили, распустили слухи, что он гей, а за сходство с фамилией дали кличку голубок.

– Прохладительные напитки. Вода с газом, без газа, соки, – Катарина обратилась к трем пассажиркам на шестом ряду. Две из них спали, а третья, та самая, облитая водой, взяла томатный сок.

Миша подал газировку пожилой семейной паре.

Катарина с Мишей сразу нашли общий язык, изгойское прошлое сблизило их. Миша не пытался опровергать оскорбительные слухи и не реагировал на унижения. Он радовался жизни и, будто бы не было никого вокруг, только он, небо и его мечта. Это восхищало Катарину. Ей тоже приходилось быть объектом насмешек в школе за излишнюю полноту. Она убегала в школьный туалет и плакала, а порой даже отказывалась выходить из дому. Миша стал для нее примером стойкости духа и, возможно, поэтому ее так тянуло к нему.

Девушка с дредами попросила апельсиновый сок. Катарина налила ей сверх нормы. Высоколобый мужчина попросил два стакана воды без газа, при этом, проигнорировав просьбу сына лет семи о газировке. Он протянул за стаканами огромные клешнеподобные кисти. Катарина испугалась, что он прольет воду и сама поставила каждый стаканчик на столик перед ним.

Если кто – то смел сказать, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, Катарина готова была бросить в этого человека тухлый помидор. Миша познакомился с ее дочкой Вероничкой, они быстро поладили. Он признался, что любит детей и мечтает иметь не меньше трех.

На Вероничкином трехлети они крепко выпили, Миша впервые откровенно рассказал

о своем прошлом. Он вырос в семье кадрового военного. Все его деды и прадеды были военными, жесткими и принципиальными людьми. Таким же отец хотел видеть сына. Его мягкотелость он пытался воспитывать жестким словом, а когда это не получалось в ход шел ремень, кулаки или ножка от табурета. Когда двенадцатилетний мальчик отказался ехать в военно – патриотический казакский лагерь, а вместо этого проявил желание заниматься в кружке по моделированию самолетов, отец вспылил и сломал ребенку челюсть. Отец принял единоличное решение – сын пойдет учиться в военное училище. Когда же Миша заявил, что решил стать пилотом гражданской авиации отец пообещал закрыть ему дверь в родительский дом. Он не мог позволить, чтобы сослуживцы осмеяли его за непутевого мягкотелого сына. Миша ушел сам. Чтобы заработать на учебу и приблизиться к своей мечте он пошел в бортпроводники.

Мужчина с бородой смиренной внешности в длинной мешковатой одежде заказал воду без газа и поблагодарил Катарину и бога.

История Миши потрясла Катарину. В тот же вечер это случилось. Наутро она чувствовала себя отвратительно, ведь он был для нее как брат. Они договорились забыть об этой ночи навсегда. Отношения между ними заметно охладели. Чувствовалось, что каждый хотел что – то сказать и боялся, был скован стеснениями, как школьник пишущий записку любимой девочке. Катарина не могла воспринимать Мишу как мужчину, ведь он знал все ее секреты даже лучше чем она сама. Она хотела извиниться и надеялась, что Миша скажет то же самое. Этот разговор состоялся накануне. Неожиданно Миша признался в любви и поставил ее перед жестоким выбором: либо они будут вместе и поженятся, либо они больше не друзья. Катарина не могла выбрать среди невозможных вариантов. Да разве можно так поступать? Миша прочитал ответ в ее глаза и ушел.

Миша подал женщине с мальчиком лет десяти два стакана воды без газа. Мальчик протянул руку, но мама перехватила оба стакана. Мальчик в ответ надул щеки и громко произнес что – то невнятное, затем швырнул книгу Гарри Поттера в спинку кресла. Книга отскочила матери в руку и та пролила воду на себя.

– Прекрати ты, ошибка природы!

Пассажиры обернулись и осудили женщину взглядами.

Мальчик снова заговорил невнятно. Он замотал головой из стороны в сторону, как маятник часов с кукушкой.

У Катарины защемило в сердце. Как может мать так о сыне? Ей хотелось вмешаться, выказать ей недовольство как мать матери, но вместо этого она просто спросила:

– Может вам что – нибудь еще принести?

Женщина не отреагировала на ее вопрос, она дёргано вытирала платком воду с блузки.

Катарина толкнула тележку, чтобы быстрее убраться подальше. Женщина схватила ее за руку, сильно, но не для того чтобы сделать больно, а остановить.

– Я прошу прощения, – она говорила тихо, чтобы слышала только Катарина. – Я не знаю, что на меня нашло. Наверное, я просто устала.

Мальчик все вертелся и жужжал, имитируя гул двигателей.

– Мой сын страдает аутизмом, – виновато продолжила она.

Воображение нарисовало в голове ужасные картины, как будто то же самое происходило и с дочкой Катарины.

– У него бывают приступы. Я не оправдываю себя, просто хочу сказать, что не хотела этого. Мне так стыдно.

Катарина положила ладонь на ее руку, такую теплую, настоящую, материнскую.

– Может, я могу как – то помочь?

Женщина вытащила из сумки упаковку таблеток. В уже распакованном ранее отделении лежала заготовленная половинка.

– Мы сейчас проходим курс лечения, – она раздавила таблетку в порошок и бросила в стакан воды, поднесла мальчику ко рту.

Все еще покачиваясь, он откинул голову назад и выпил, частично вода пролилась через кончики губ.

– Он сейчас успокоится и уснет. Следующий прием через четыре часа. Вы не могли бы...

– Разбудить вас? – предположила Катарина.

– Если можно. С Владивостока летим. Я на ногах больше суток, нервы не выдерживают.

– Конечно, я вас разбужу, и обещаю, вас никто не потревожит.

– Вы не могли бы сохранить это у себя? – Женщина протянула ей упаковку таблеток, – Он тащит в рот все, что найдет. Боюсь, проснется раньше меня, а я не почувствую как в сумку залезет.

Катарина убрала таблетки в карман пиджака. Одно их название – «Нейротазин» пугало не на шутку.

– Не волнуйтесь об этом и засыпайте. Можете на меня положиться.

– Спасибо вам огромное.

Когда Катарина отвлеклась от женщины, Мишин силуэт исчез за шторками кухни. Он же прекрасно знает, что тележка тяжелая и ей не под силу толкать ее в одиночестве. Он специально бросил ее, чтобы наказать, отомстить.

Как же она могла так ошибиться в человеке?

Преисполненная негодованием, она докатила тележку до последнего оставшегося пассажира на заднем ряду. Спросила мужчину, не желает ли он прохладительных напитков. Мужчина не ответил, только равнодушно смотрел перед собой и даже не моргал. Наверное, спит, бывает, что люди спят с открытыми глазами. На лице у него наклеена бинтовая повязка на всю щеку, один конец пластыря отклеился и висел аккуратно напротив ноздрей. И не шевелился.

Катарина нагнулась.

– С вами все хорошо?

Голова мужчины свесилась в ее сторону, глаза у него мертвые, пустые.

– Боже мой, – Катарина закрыла рот, чтобы не вскрикнуть и отпрыгнула.

Она осмотрелась, не видит ли кто. Миша уже погасил свет, и большинство пассажиров засыпало. Стало тихо даже за шторкой бизнес – класса.

Катарина со всей силы навалилась на тележку и буквально влетела в кухню.

– Быстро, бери аптечку! – она подняла трубку терминала.

Вера ответила на другом конце:

– Слушаю.

– У нас пассажиру плохо. Возможно, умер.

Миша застыл на месте, разинув рот.

– Ждите меня.

Катарина решила положить мужчину вдоль сидений. Со своим небольшим ростом она без труда протиснулась к иллюминатору. Наклонив мужчину за плечи, она с удивлением обнаружила, что Миша, вместо того, чтобы помочь ей и придержать ноги, исчез. Аптечка,

аккуратно лежала на сидении, как плевок ей в лицо.

Да как совесть позволила ему так поступить? Сколько еще он собирается доказывать, что ненавидит ее?

Катарина уложила мужчину. Он весил целый центнер, не меньше.

Вера быстрым шагом прошла через салон.

– Ну что?

Катарина проверила пульс, отрицательно покачала головой.

Вера подошла к терминалу и настроилась на передачу данных на громкоговоритель:

– Уважаемые пассажиры, прошу вашего внимания.

Вера включила свет в салоне. Десятки сонных любопытных глаз высунулись из – за спинок.

– Если на борту присутствует врач, прошу вас подойти к бортпроводникам.

Она повторила несколько раз.

Подошел мужчина, тот самый с огромными кистями, летевший с мальчиком.

– Я врач. Костоправов.

Он сказал это так утвердительно, будто они могли сомневаться.

– Этот мужчина. Он не дышит, и пульса не могу прощупать, – Катарина еще держала пальцы на холодеющей шее, в надежде, что его сердце вот – вот забьется.

Врач жестко выпихнул Катарину в коридор, вытащил плед, который она уложила под головой и швырнул в нее.

– Теплый еще, – он проверил пульс и дыхание.

Костоправов зажал мужчине нос, сложил пальцы кольцом на его губах и выдохнул в них.

Далее произошло то, что Катарина вот уже несколько минут пыталась осмыслить.

Мертвец лежал на креслах с широко разинутым ртом, набитым изорванной бумагой и мусором. В кармане переднего сидения лежал журнал с правилами безопасности, от которого мужчина и отрывал куски и запихивал их в себя, пока в тесноте бумага не начала резать десны и ротовую полость, перекрыв доступ воздуха в гортань. На щеке было сквозное отверстие размером с монету, скрытое ранее повязкой. Края кожи обуглены, как у запеченной курицы. Из этого «отверстия» под действием воздуха и вылетела накопленная во рту слизь и кровь. Поток попал Костоправову на лицо и одежду.

Вера убежала к пилотам, кожа на ее лице стала белее волос.

Катарина, заглотив побольше воздуха, и прищурившись, накрыла пледом труп. Пассажиры снимали происходящее на камеры мобильных телефонов. Если Катарина в действе и мечтала быть моделью, но не при таких обстоятельствах.

Запах стоял кислый, будто в уксусе раздавили тухлое яйцо.

Пассажиры нервничали и переговаривались. Катарина не могла позволить себе покинуть салон и проклинала Мишу. После случившегося он так не вышел из кухни.

Пересохло во рту. Взгляд то и дело опускался на вспененную пузырьками кровь на ковре. Она должна успокоиться и взять себя в руки. Никто кроме нее не сможет помочь пассажирам. Это ее работа. Это ее долг.

Пассажиры цепочкой направились в туалет бизнес – класса, задние туалеты закрыты по распоряжению Веры.

Костоправов вышел из туалета, умывшись. Глубокие красные пятна на рубашке не выведет ни один стиральный порошок.

– Быстро сел на место! – гаркнул он сыну, вышедшему в проход на поиски отца.

Мальчик бегом вернулся обратно.

Подождал телохранитель депутата и молча приподнял плед. Катарина хотела отвернуться и не смотреть, но неведомая сила любопытства сама повернула голову в нужном направлении. Телохранитель опустил плед и вернулся в бизнес – класс.

Позвонила Вера:

– Успокойте пассажиров. Будем садиться в ближайшем аэропорту.

Максимов сидел на угловом столике и опустошал чашку кофе. Посетителей ресторана было не много, а те, что пришли, расположились на другом конце у панорамных окон и наблюдали за разыгравшейся на улицах Москвы стихии. Ветер поднимал в воздух грязь с мусором и кружил, словно помехи на старой пленке.

Ерофеев опаздывал.

Тихая мелодичная музыка вырывалась из невидимых колонок справа, слева и даже сверху. Хозяева ресторана рассчитывали, что после тяжелой рабочей недели это должно успокоить и расслабить посетителей, как и виски со скидкой. Пахло мясной поджаркой с чесноком.

Максимов же был напряжен, а верхний и нижний клык со скрипом терлись друг об друга. Он прочел последнее смс от Юли еще раз:

«Ты не ведаешь, что говоришь. Ты запутался. Я больше так не могу. Я поеду и сама все расскажу твоей жене, ты меня не остановишь. Мы будем вместе. Люблю тебя»

Максимов мог поклясться, что она это сделает. Это лишь вопрос времени.

Официант принес еще кофе, двойной. Почему в меню нет тройного?

Максимов прочитал еще смс, на этот раз от жены:

«Не забудь захватить шампанское и мармеладки. Надеюсь, ты помнишь какой сегодня день? Не намекаю, а просто напоминаю...»

Она всегда ставила троеточия в конце, считала, что это призыв к ответу.

Конечно, он помнил какой сегодня день.

От написал:

«Скоро буду, уже все взял»

«Жду не дождусь.»

Точка означала конец диалога.

Сегодня день свадьбы и знакомства, между которыми прошел ровно год, день в день – четырнадцать и пятнадцать лет соответственно. На годовщину он уже приготовил подарок – набор из коле и сережек, стоимостью в годовой доход московского менеджера. Максимов никогда не скупился на подарки для самой достойной женщины. Она была с ним в горе, и в радости, и в нищете, родила двух лучших сыновей, вытасила его с того света после смерти брата. Так тяжело и скрупулезно они вместе строили семью, ставшую эталоном для всех, и теперь все могло рухнуть из – за Юли.

Ерофеев сел напротив. Максимов не заметил, как он вошел.

– Что – то у тебя круги под глазами чернея обычного.

Максимов положил белый конверт на стол. Ерофеев слегка развернул его и посмотрел на фото.

– Симпатичная девочка. Молодая. Чем не угодила?

Максимов сделал плоток, обжег неба. Тонкий слой обгоревшей кожи скрутился

в комочек и полетел с горячей жидкостью в желудок.

– Не важно.

Ерофеев убрал конверт в карман.

– Нет. Я хочу знать, кого ты просишь закрыть.

– А я тебя спрашивал, когда ты просил коммерсанта твоего отмазать?

– Это другое. Девку жалко, испортят ее там. Может, поговоришь лучше с ней?

– Бесполезно. Сто раз пробовал.

– Когда надо?

– Сегодня.

Ерофеев усмехнулся.

– Ну, ты даешь, Володя. И как я обосную такую скорость?

– Это твой отдел. Придумай.

Ерофеев оживился и откинулся на спинку. С каких пор этот продажный и мерзкий урод задумался о ком – то кроме себя?

– Я тебе в свахи не набивался Володя, не надо на меня давить.

– Ты мне должен. Будь добр отдать.

Ерофеев расправил ноздри, но промолчал.

– На двушку подведи. Хватит, чтобы одуматься. Главное до суда закрой. Вот ее адрес, она сейчас там.

Ерофеев закинул в карман конфеты с корзинки на краю стола, прокашлялся в руку и вышел. Хотя он и сволочь редкостная, но как зам. руководителя Управления по контролю за оборотом наркотиков дело свое знал хорошо.

Максимов проклинал тот день, когда познакомился с Юлей. Случайная встреча в ресторане, а затем еще одна в Управлении. И часто ли в Москве можно дважды встретить одного и того же человека? Длинные каштановые волосы благоухали молодостью и невинностью. Страсть затмила разум, и он не заметил, как легкая увлеченность зашла слишком далеко. Он уже и не помнил о чем говорил, и что обещал в минуты страсти. Да как вспомнишь тут? Такова мужская натура, природу не обманешь. Разве он виноват, что ошибся, оговорился? Стал жертвой состояния аффекта. Ничего удивительного с такой – то работой. Неужели он не заслужил достойного отдыха после всего, что сделал для семьи? Иногда люди ошибаются, и он не исключение. Почему из – за одной ошибки он должен потерять все?

«Приедь ко мне, я больше не могу без тебя. Я убью себя»

Уж лучше бы убила.

«Я знаю, она тебя приворожила, я не позволю ей издеваться над тобой. Мы будем вместе, как и мечтали»

Что должен делать мужчина, когда его семью обещают разрушить? А еще репутацию, заработанную, хлебная дерьмо, пока она еще сопля не научилась вытирать. Откуда знать ей, что такое ответственность и как тяжело все дается в этой жизни? Как много нужно преодолеть и совершить, порой, не самые приятные поступки, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Животный мир, как и мир людей жесток и если кто – то зашел на твою территорию с оружием, нужно обороняться всеми доступными способами. Сейчас он делает то, что необходимо, чтобы защититься, не больше и не меньше.

Жалко ли ее? А почему тогда родители не вдолбили ей в голову законы этого мира?

Он что должен позволить сыновьям остаться без отца? Чтобы они познали то, что довелось ему после ухода его отца из семьи. В тот день кончилось его детство, была

перечеркнута предыдущая жизнь. А для двух младших братьев близнецов он стал больше чем братом – отцом. Тогда он пообещал, что его дети будут жить в полной семье и никакая малолетняя дура не позволит ему нарушить обещание.

Максимов вытащил сим – карту из телефона и согнул пополам. Ерофеев все сделает тихо так, что они с Юлей больше никогда не увидятся. За все нужно платить.

Позвонил рабочий мобильный. Это Долгин.

– Ты просил позвонить, если будут новости по рейсу из Ванавары.

Максимов потер лоб. Где – то там, под кожей анаморфной болью пульсировали сосуды. Сегодня слишком долгий день.

– Что там?

– Пять минут назад позвонили из диспетчерской Шереметьево. Рейс из Красноярска в Питер запросил срочную посадку из – за смерти пассажира на борту.

– И что?

– Я посмотрел список пассажиров этого рейса, среди них Лукас Левандовский.

Долгин замолчал, как бы выжидая реакцию. Максимов в последние дни уже слышал это имя, но ему было лень копошиться в памяти. Пусть Долгин объясняет.

– Он также был и на рейсе из Ванавары, – закончил Долгин.

– Хм, а умер кто? Причины?

– Не знаю пока. Пытаюсь связаться с диспетчерской. До них нереально дозвониться.

– Ладно, перезвони сразу, если будет что.

– Хорошо. И есть еще кое – что по этому рейсу, – Долгин выдержал паузу. – В списке пассажиров твой брат.

Максимов опешил от услышанного.

– Еду в управление, жди меня там. Информацию по другим пассажирам собери.

– Понял.

Максимов кинул пятисот рублевую купюру на стол и вышел на улицу. Порыв ветра с горизонтальными каплями не позволял застегнуть замок, шаром раздувая куртку. Небо затягивало угольными облаками с редкими островками умирающего света. Он остановился у машины и в раздумьях наблюдал за булькающими лужицами. Напор, как из душа стучал ему по волосам. Пахло мокрым асфальтом.

Он думал о брате. Они так давно не виделись, что он забыл о его существовании. Или сделал это специально – уже не разберешь.

В СМИ не попали все подробности произошедшего на рейсе 754 Ванавара – Красноярск. Два французский геолога, ученые с мировым именем, друзья с университета вдруг внезапно набросились друг на друга. Один из них пальцем выколол другому глаз и разгрыз зубами шею, пока второй не истек кровью до смерти. И можно было свесить все на копившуюся личную неприязнь, кто знает, что там у французов в голове, если бы не тот факт, что спустя полчаса после посадки, пассажирка того же рейса, эвенкийка вытащила из багажа сувенирные оленьи рога и напала на охранника, воткнув рог ему в пах, а после, заперевшись в туалете, воткнула рог себе в промежность. Врачи спасли ей жизнь, но как сказано в отчете, женщина полностью в невменяемом состоянии, хотя раньше ничего подобного с ней не случалось.

Некто Лукас Левандовский пассажир обоих рейсов. Это не может быть совпадением.

До управления Максимов сможет добраться в лучшем случае через двадцать минут.

Отправил смс жене:

«ЧП. Буду позже»

Самолет вошел в зону турбулентности. Миронов включил оповещение пассажирам пристегнуть ремни.

– С погодой черти что сегодня везде, – Миронов глядел в окно.

«Борт 1661, доложите о состоянии пассажира»

– Это борт 1661. Смерть установлена врачом на борту, – ответил Миронов.

«Назовите имя пассажира»

– Левандовский Лукас. Гражданин России. Регистрационное место 18а.

«Причина смерти установлена?»

– Патологоанатомов на борту нет.

«Держите прежний курс. Спуститесь на высоту десять двести. Об аэропорте посадки будет сообщено дополнительно»

– Если бы он помирал, быстро бы приняли, – Миронов выключил рацию на прием. – А так летите с трупом дальше, пока мы тут вопрос денег решим.

Миронов посмотрел на фото внука и попытался успокоиться.

Юрген не слушал его. Он наблюдал в иллюминатор за грозой. Черное небо раздирали грибовидные вспышки. Там, в сибирской тайге волки, медведи, зайцы и лисы метались в поисках укрытия. Грохочущие электрические змеи, от которых невозможно спрятаться, кусали землю, деревья и даже воду. Могучие сосны клонили головы, повинясь власти стихии. Тех, кого она не щадила, ломала в труху, а опилки уносила далеко в топку пожаров на растерзание. Пожелтевшие листья тополей и берез взметнулись в воздух и превращались в стаю голодных летучих мышей.

Где – то там, облокотившись спиной на шершавый ствол старого тополя, сидел Юрген. Он дрожал от холода и поджимал запачканные мокрой землей ноги.

Уродливые деревянные монстры размахивали ветвями – клешнями, из их голов росли толстые бесформенные рога, а из гигантских дупел – ртов вырывался страшный рокот. Они раскачивались и все ближе подбирались к Юргену. Ему стоило бы бежать, но страх сковал мышцы. Он плакал и закрывал голову руками.

На его ногах подол маминого платья. Дождь смывает с него кровь и запах водки.

Отчим говорил, что платье подарок для мамы. Чтобы узнать в пору ей или нет, Юрген должен был надеть его на себя.

«Сыночек же хочет, чтобы маме понравился подарок?»

Конечно, Юрген хотел, чтобы маме понравилось.

Отчим выпил еще рюмку и попросил вложить полотенца на то место где у женщин грудь. Ладони у него большие, пахнут моторным маслом и всегда испачканы. Он уверяет, что маме понравится подарок, она будет очень красивой.

Шифер на крыше дачного домика гремел под пулеметной очередью тяжелых капель дождя. С улицы доносился собачий лай.

Отчим не разрешил снять платье, а вместо этого потянулся рукой под подол. Юргену больно, он не мог сопротивляться.

Отчим говорит, что маме нельзя рассказывать, иначе она расстроится. А Юрген не хочет, чтобы она расстраивалась. Юрген ее очень любит и платье ей обязательно понравится.

Юрген плакал и умолял прекратить, но отчим не слушал. Когда все закончилось отчим уснул на полу, уткнувшись лицом в вонючий ковер. Штаны у него приспущены, волосы на спине длинные и черные, как у собаки.

Юрген взял топор у печи, которым отчим колот дрова. Как он учил, поднял обеими руками над чуркой и нанес удар. Кровь плеснула на подол платья. Юрген убежал в лес.

Как же теперь быть с платьем? Оно запачкано. Это же подарок маме, она очень расстроится.

– Ты испортил ее платье, – говорил Миронов голосом отчима.

Он тыкнул в монитор пальцем, и на том месте осталось желтое пятно.

– Мамочка тебя больше не любит, ублюдок. Сдохла твоя мамочка в тюрьме, потому что взяла вину на себя.

Рука Миронова потянулась к нему. Она грязная и пахнет моторным маслом.

По телу пробежали мурашки.

Внук Миронова ухмылялся над Юргеном из фотографии, тыкал в него пальцем.

«Борт 1661, ложитесь на курс 68, аэропорт посадки Толмачево – Новосибирск»

Миронов зажал кнопку связи с салоном самолета.

– Уважаемые пассажиры, мы вынуждены совершить внеплановую посадку в аэропорту города Новосибирска. Авиакомпания приносит свои извинения за доставленные неудобства.

Он пытается отвлечь его, а потом вновь надеть на Юргена платье и сделать с ним то, что Юрген не смог с мальчиком в парке. Юрген не позволит ему больше издеваться над собой.

Юрген отстегнул ремни и подошел к двери.

– Ты куда?

Нужно соврать, чтобы он ничего не заподозрил.

– Проверить автоматы.

Миронов потянулся к ручке регулировки курса. Юрген вытащил топорик из крепления на стене и, взяв обеими руками, как он учил, вонзил лезвие Миронову в голову.

«Мясник года!», «Две половинки черепа одним ударом!» «Лучший игрок века!»

Кровь выплеснулась на панорамное окно, смела фотографию внука на пол.

Юрген уперся ногой в подлокотник и, рывком, выдернул топор из черепа. Ошметки мозговой ткани попали ему на грудь и лицо.

Больше никто и никогда не посмеет его обидеть.

Самолет качнуло и Юрген, потеряв равновесие, свалился на пол. Это деревянные монстры добрались до него и здесь. На этот раз у них ничего не получится. Теперь он взрослый и сильный. Пусть идут. Он убьет любого.

Новость о посадке в Новосибирске обрадовала пассажиров. Никого уже не пугала задержка прилета в Санкт – Петербург – молчала Карина Порше, молчали и недавно поддерживающие ее пассажиры. Смерть объединяла, и на этот раз она объединила всех в едином порыве – ни минутой дольше не оставаться в одном самолете с трупом.

Лайнер все чаще проваливался в турбулентность, порой трясло так, что Наталье, казалось, у самолета отвалятся крылья. Сверкающие внизу молнии были похожи на всплывающие в гигантском океане пузырьки, никогда не знаешь в каком месте вылупиться следующий.

Наталья думала о причинах, побудивших мужчину покончить с собой.

Подкрадывалось чувство вины. Она была так близко и одновременно оказалась так далеко от трагедии, которую должна предотвращать и могла, если бы почувствовала. Она всегда чувствовала тяжелый эмоциональный фон человека, как ищейка. Невидимая эмоциональная аура осязалась крохотными волосками на ее руках. Когда в кабинет входил человек, она уже знала, какие вопросы ему нужно задавать.

В медицинском обучают забыть о чутье как о не научном бреде и полагаться исключительно на симптомы и доказательства. Но и они часто могут обмануть – человеческая психика не приемлет математический подход.

Прямо сейчас чутье заставляло Наталью нервничать. Эмоциональный фон был настолько мощным, всепроникающим отовсюду, что она не могла определить его источник. Он исходил от бабушки, от девушки с дредами, от мальчика аутиста с матерью, и даже от Артура. Наталья однажды ощущала нечто подобное во время работы в психоневрологическом диспансере. И это сравнение не на шутку напугало ее.

Сразу вспомнился Сагдеев Нургалы, пациент диспансера, куда молодая девятнадцатилетняя студентка пришла на практику. Мужчине поставили диагноз – маниакально – депрессивный синдромом, ставший результатом прогрессирующей шизофрении на фоне многолетнего алкоголизма.

Нургалы нашли в заброшенной коллекторе вместе с лицами без определенного места жительства, точнее они сами привели туда полицейских. Нургалы зарезал одного из собутыльников и попытался использовать мясо трупа для закуски. В больнице Нургалы напал на врачей и медсестер, неоднократно пытался покончить с собой. Врачи настаивали на лечении сильнейшими дозами нейролептиков, с густым набором побочных эффектов вплоть до развития опухоли мозга. Наталье пришлось немало потрудиться, чтобы убедить врачей попробовать когнитивную психотерапию. Разрешение было получено сквозь зубы главного врача.

После нескольких десятков сеансов Наталье удалось достучаться до Нургалы. Причиной его симптомов были вновь и вновь возникающие непроизвольные рецидивирующие воспоминания, настолько интенсивные, что он терял чувство места и времени, ощущая, что переживает события заново, а не вспоминает. Для того, чтобы продвинуться дальше было необходимо определить, что являлось раздражителем (сигналом), вызывающим воспоминания. Ответ она нашла в биографии Нургалы. Много лет он проработал следователем по особо важным делам, расследовал серийные убийства. При работе над громким делом девяностых о массовом исчезновении девушек в Подмосковье, Нургалы сам бесследно исчез и был найден только через шесть месяцев в подвале частного дома, с десятью расчленёнными трупами молодых девушек. Убийца держал его в заложниках, заставлял наблюдать за насилием и убийством девушек. Находясь в темнице Нургалы, исхудал до изнеможения и был вынужден питаться человеческим мясом.

Наталье не только удалось поставить точный диагноз (посттравматическое расстройство), но и победить мнение консилиума уважаемых опытных врачей. С тех самых пор она внимательно прислушивалась к чутью и если оно шло в разрез с доказательствами, даже не раздумывала по какому пути стоит следовать.

– Интересно, что могло заставить его сделать такое, – рассуждал Артур.

С его ракурса хорошо виден труп и окровавленный ковер под ним.

– Похоже на демонстративный суицид, но так обычно делают подростки. И способ очень странный.

Артур побледнел.

– Лучше не смотреть туда лишний раз, – посоветовала Наталья.

Артур кивнул и направил на себя поток кондиционера. Сделал глубокий вдох.

– Что – то жарковато тут.

Здесь не жарко, всего лишь сбой вегетососудистой системы от вида крови. Следующим симптомом может стать потеря сознания.

– Подумай о чем –нибудь другом, а лучше выпей воды, – Наталья попыталась найти глазами бортпроводника.

– Нет, дело не в том, что мне противно.

Зря он пытается строить из себя мужика. Нет ничего постыдного в принятии правды. Современный человек все чаще видит смерть исключительно по телевизору.

– Нахлынули воспоминания и я, – Артур потер висок – Не смог взять себя в руки.

Наталья не имела права спрашивать. Артур продолжил сам:

– Мой брат близнец тоже покончил с собой.

– Сочувствую.

Артур смотрел перед собой, как бы провалившись в себя.

Мимо проскользнула бортпроводник Катарина. Долговязый мужчина лет сорока с необычно большим кадыком и зачесанными набок сальными волосами встал у нее на пути, высказал подозрение, что через щель от его иллюминатора исходит ледяной воздух и предположил, что в обшивке самолета может быть опасная для полета трещина.

Две женщины лет сорока пяти пересели с других концов самолета ближе к батюшке. Тот крестил их в воздухе, прикладывая распятие к макушке каждой, и почти беззвучно нашептывал молитвы. Женщины кланялись и целовали батюшке руку.

– Тем, кому не помогает врач, может помочь только вера.

– Ты верующая?

– Для меня церковь не более чем еще одно учреждение психоневрологической помощи для тех, кто склонен верить в сверхъестественное и непостижимое чем в самого себя.

– Я не верю никому кроме себя.

Самолет вновь попал в турбулентность.

– Ну и трясет сегодня, – заметил Артур.

– Под нами гроза.

Артур потянулся вперед, чтобы посмотреть в иллюминатор. Его аромат нечто смешанное от запаха мятного геля для душа с нотками дыма от костра и средства от комаров. Судя по одежде, прежде чем приехать в аэропорт он посетил магазин. На джинсах еще остался заводской проглаженный шов, на кроссовках торчат белоснежные ниточки, заканчивающие швы, а на черной куртке с оранжевым замком осталась пластиковая застежка, которой обычно крепят фирменные этикетки.

– Красиво сверкает.

Наталья кивнула.

– Как будто пузырьки всплывают.

– Точно, пузырьки.

Наталья приспустила плед до колен, ей стало жарко.

– В отпуск.

– Что? – переспросил Артур.

– Я соврала про командировку. Я лечу в отпуск.

– Надеюсь, то, что произошло, не омрачит его.

Неужели она это сказала? Сердце как будто расширилось, пыталось вырваться из костяной реберной клетки.

– Я не врал, но лишнего тоже сказанул, – Артур выглядел виновато. – Дело в моем брате, не нужно было говорить о нем.

– Ты можешь не говорить, если тебе тяжело.

– Нет, наоборот. Наверное, это твои профессиональные чары действуют. Мне хочется рассказать, а с другой стороны не хочу напрягать тебя этим.

– Все нормально. Ты можешь рассказать мне все.

Это звучало так по рабочему, что ей стало неловко.

– Я никогда ни с кем не говорил о нем. Даже сам себе не разрешал о нем думать. Наверное, это трудно понять.

Классическое проявление защитного механизма психики – диссоциация. Возникает с целью отделить себя от неприятных переживаний, воспоминаний. Хотя процесс этот не осознаваемый, индивид может в действительности считать, что вызвал его самостоятельно. Знал бы он, как это ей знакомо и совсем не в профессиональном плане.

– Вы были сильно похожи?

– Внешне как две капли воды, даже старший брат, Володя, путал нас. Но внутри мы были совершенно разными. Я любил фильмы, он читал книги и фанател от истории. Я любил проводить время на улице с друзьями, а он предпочитал быть одиночкой, всегда плевал на любые правила, устанавливал свои даже там, где это выглядело абсурдно. С Володей и мамой они ссорились, никто не хотел уступать своим принципам, а понимал его только я. У нас была очень тесная связь, наверное, как у всех близнецов. А потом я решил уехать вслед за старшим в Москву учиться и работать. Я просил Кирилла поехать со мной, он отказывался, умолял не бросать его, – глаза Артура покраснели. – Самое страшное, что когда я узнал, что он повесился, прошло три часа. Я ничего не почувствовал, ни намека, ни одной мурашки. Целых три часа.

– Мама была рядом?

– Маму за год до этого Батя перевез в Москву, – Артур прервался и сам сообразил, что оговорился. – То есть Володя, я называл его так, когда ушел отец. Ему с женой нужна была помощь с внуками нянчиться. Хочу попроведовать ее, когда буду в Москве.

– Твоему брату нужна была помощь специалиста.

Артур проморгал налитыми глазами.

– Это была наша с Батей вина. Мы считали, что он уже взрослый и сам должен принимать решения в своей жизни. И что если мы не будем нянчиться с ним, это его подстигнет. Клин клином.

– Вы были абсолютно правы.

Артур отвернулся и вытер глаза тыльной стороной ладони.

– Прости, что я немного расчувствовался.

– Ничего, все в порядке.

– А у тебя, умирал кто –нибудь из близких? – повисла неловкая пауза, – прости, вопрос некорректный. Я иногда не думаю, что говорю.

– Ничего страшного. Нет, не умирал.

– Это хорошо. Пусть так будет всегда.

Наталья улыбнулась.

Самолет снова затрясло, на этот раз сильнее прежнего. От мощного толчка не закрепленный труп мужчины свалился на пол и, скрючившись, закатился под передние кресла.

К молящимся женщинам присоединилась мать мальчишки аутиста и парень с девушкой с середины салона. Они приложились к руке батюшки, а он в свою очередь громче запел просьбы господа. Его голос был ровным и успокаивающим, как и глаза – голубые с пурпурным отблеском. Им хотелось доверять, в них ощущалась искренность и добродетель.

Бортпроводник Катарина обратилась к Костоправову с просьбой помочь ей поднять тело обратно и закрепить ремнями – при последующей посадке труп мог выкатиться к первым рядам и стать причиной смерти от разрыва сердца особо впечатлительных пассажиров.

Костоправов прошагал мимо них, но затем вернулся, щелкнул гигантскими пальцами у Артура перед лицом.

– Эй, пошли поможешь.

Повеяло резким запахом алкоголя. В кармане его переднего сидения была воткнута наполовину пустая бутылка виски, обернутая в разорванный пакет из магазина дьюти – фри. Насколько Наталье было известно, пить на борту свой алкоголь строжайше запрещено. Бортпроводникам было не до него.

Артур ушел за Костоправовым.

К зажатой в сидении бутылке протянулась маленькая ручонка и рывком выхватила ее. Спрятав ее от отца, сын Костоправова выглянул из – за спинки сидения, чтобы удостовериться, не увидел ли кто. На мгновение они с Натальей пересеклись взглядами.

На нее смотрел Артемка, ее Артемка.

Наталью бросило в холодный пот, каждую клеточку тела пронзил электрический разряд. Это он. Нет, она бы никогда не спутала его серо – голубые глазки, кругленькое личико с ямочками горошинками. Да разве мать может спутать своего ребенка с кем – либо еще? Наталья зажмурилась что есть мочи, слезы выдавились из глаз.

Когда она открыла глаза, Артемки уже не было, как не было и сына Костоправова.

Стало трудно дышать, словно пудовая гиря давила на грудную клетку. Наталья вдыхала сквозь силу.

Этого не могло быть на самом деле. Это просто галлюцинации от стресса. Впервые за полтора года она переступила порог дома. Все вокруг: этот самолет, эти люди, это кресло – все в новинку для нее. Организм просто не готов к резкой смене системы координат. Ей просто показалось.

Стало легче, удалось раздышаться. Через черные непроницаемые облака стали появляться островки света земных городов.

Наталья краем глаза поглядывала на спинку кресла и внутреннее материнское чувство, подавленное разумом, молило о возможности увидеть Артемку еще раз.

Труп лежал вниз головой с прижатым подбородком к груди. Бурого цвета язык с тонким слоем налета, похожего на холодец, был виден из отверстия в щеке. От падения с кресла носовая перегородка и вмялась в череп.

Артур уткнул нос в тыльную сторону ладони и отвернулся, вдохнув запах собственной кожи. Пахло журнальной бумагой. Мелкие волоски на запястье щекотали нос.

– Эй, ты что там? – Костоправов пихнул его в плечо. – Или блуй или помогай.

Катарина уложила половинки ремня вдоль кресел, а вторые держала в руке. Она поглядывала на Костоправова с недоверием и жалела, что обратилась к нему – тот был явно пьян.

Артур кивнул Костоправову и встряхнулся.

– Пролазь к окну и бери его за руки.

Артур сделал шаг вперед и остановился, будто бы кто – то должен сделать остальные за него. На полу были разбросаны ошметки пропитанной кровью бумаги и части полиэтиленового пакета из – под пледа, которые совсем недавно были в глотке мертвеца.

– Он, что это сам себе запихал?

Костоправов держал мертвые ноги, согнувшись пополам. Артур прочитал в его глазах неодобрение. Переступив через тело к иллюминатору, Артур взял руки трупа ниже запястий.

– Черт, он, кажется, обделался.

Мертвец испустил оставшиеся газы. Артур уткнул нос в плечо и едва сдержал рвоту. Ледяная кожа на руках трупа проминалась, будто внутри закачано апельсиновое желе.

Артур и Костоправов положили его на кресла. Труп так и остался в полу скрюченной позе велосипедиста. Катарина защелкнула ремни и потуже затянула, накрыла сверху пледом.

– Спасибо вам, – Катарина указала им в салон. – Можете садиться на свои места, капитан скоро начнет снижение.

Она собиралась направиться в сторону кухни, но путь ей преградила рука Костоправова. Катарина едва не стукнулась лбом в его чугунный локоть. От испуга девушка вскрикнула и сжалась, как загнанный кролик, ожидавший, что его прихлопнет хищник.

– Говори, откуда он здесь взялся?

Подвыпивший мужчина был не в состоянии четко выговорить все слова.

– Кто?

– Дуру из себя не строй. У него высшая степень окоченения, так бывает только через десять часов после смерти!

– Мужик, успокойся. Она – то откуда знает, – вмешался Артур.

За спиной защелкали камеры мобильных телефонов.

Костоправов резко повернулся, схватил Артура за куртку и придавил к двери туалета. Сила его не позволяла Артуру даже пошевелиться и произнести нечто большее, чем неразборчивый хрип.

– Немедленно прекратите это, я вызову полицию в аэропорту, – Катарина сказала это с вымученной отвагой.

– Давай вызывай, я им все расскажу. Увидят, что вы тут творите, мясники.

Костоправов отпустил Артура и, оскалившись на Катарину, побрел по коридору, пересчитывая руками спинки кресел. Пассажиры сворачивали мобильники и садились прямо, как бы ничего и не было.

Артур потрогал шею – кожа горела как после солнечного ожога.

– Займите свое место, – сказала Катарина Артуру, – И спасибо вам.

Глава третья

За спиной Макара Карина Порше давала интервью собственному телефону:

– Я Карина Порше, – она делала ударение на последний слог. – В нашем самолете случилось ужасное. Смерть человека. Я все видела своими глазами, было столько крови, но я выдержала. Люди так громко кричали и плакали. – Она помахала у носа ладошкой – лопаткой. – Мне кажется, я чувствую трупный запах. Он такой сладковатый и кислый одновременно. Быстрее бы посадка, хочу сойти с этого самолета. Авиакомпания просто ужасная, у них даже нет освежителей воздуха.

Макар видел сотни и тысячи подобных ран на лице – как результат попадания трассировочной пули, но, как правило, это сопровождалось еще дыркой в затылке и разбрызганными мозгами на земле.

Земле, по которой он шагает обутый в американские берцы, присланные другом из США. Подошва у них легче, чем у наших, и прошита качественней – никакие гвозди и осколки ей не страшны. Кожа светлого окраса, за что их кличут пустынными. Даже в самую жаркую и влажную погоду, ноги всегда в отличном состоянии. Хороший экземпляр и пример капиталистической промышленности. Той, что совсем недавно еще была вражеской.

Когда то Макар был пионером и с гордостью вязал на шею красный галстук. На уроках в школе он с упоением слушал рассказы исторички Айгуль Ильиничны о загнивающих американских империалистах, внимал учениям Ленина и мечтал стать величайшим борцом за права рабоче – крестьянского государства. Прошло пятнадцать лет, он живет в другом государстве, отвоевал в Нагорном Карабахе и Таджикистане, и теперь он здесь, в новой, самопровозглашенной республике Ичкерия, топчет берцами американских империалистов кавказскую землю, решившую навсегда отречься от советской родины.

Про себя Макар читает молитву святому благоверному князю Довмонту Псковскому, восемьсот лет назад пришедшему на родную для Макара псковскую землю, где, как пишут летописцы, на него дохнула божья благодать. После избрания народом, великий князь правил тридцать три года – срок жизни сына божьего Иисуса Христа. Правил мудро и справедливо, щедро травил милостыню, принимал нищих и странников, с доблестью защищал северо – западные границы русского государства. Перед каждой битвой князь приходил в храм, клал меч к подножию святого престола и принимал благословение духовного наставника, который лично препоясывал ему меч. Также поступал и Макар, перед каждым боевым выходом. Только вместо меча у него автомат Калашникова.

С тех пор как он нашел свое призвание – служить государству российскому, святой Довмонт стал его духовным покровителем. Однажды приложив лоб к его лику в псковском Свято – Троицком кафедральном соборе, Макар попросил господа прощения за все совершенные грехи: за буйный нрав, за нетерпимость к врагам, за праздность и сквернословие. Господь ответил. На самом деле он всегда говорил с ним, но Макар не слушал, он указывал путь, но Макар не хотел видеть – путь к праведной жизни, к защите своего отечества и земли русской.

Кто бы ни говорил, но война это не место сомнениям, без веры выжить нельзя. Из третьего отделения роты десантников при штурме Грозного уцелел только он. Неужто это

не показатель благословления господом и железной защиты его спины святым Довмонтом?

На гравийной дороге, по которой шагала его рота горели две подбитые бэхи (боевая машина пехоты) и три грузовика. Стоял запах солянки и горелого мяса. Под ногами разбросаны беспомощные гильзы.

По сообщению из штаба, здесь проходила лента свинопасов (колонна снабжения) в сопровождении роты духов из Кемерово. Несмотря на то, что этот район был зачищен пару дней назад, колонна до места назначения не добралась. После радиосообщения о нападении группы боевиков, в воздух поднялись две вертушки. По прибытию выяснилось, что колонна полностью уничтожена, нападавшие успели скрыться также незаметно, как проشمыгнули через блокпосты.

Городские салаги, жители бетонных многоэтажек с электрическим лифтом решили на равных сражаться с горцами.

Вороны, эти остроклювые гиены, надрывали глотки и ругались матом на испортивших пир. Повсюду лежали трупы вчерашних школьников, многие даже не успели испугаться. В воздухе еще витали отголоски их смеха из прошлого, уносились с ветром прочь от взвода еще живых, но уже мертвецов. Теперь мы одно целое с ними. Мы еще дышим, но внутри давно покойники. Можно уйти с войны, но война никогда не уйдет из нас. Она поработила душу, разорвала ее в клочья и сшила осколки кровавыми нитками.

Снайперы осмотрели территорию. Матреха посчитал трупы (некоторых пришлось считать по разбросанным от взрыва фугаса останкам). Две руки – человек, четыре – два. Троих не хватает, значит либо на лыжи встали, либо их забрали в плен. Если им повезло, то уже убиты.

Матреха сказал, они не могли уйти далеко, есть шанс спасти ребят. Макар сжал нашейный крестик, прочел молитву за упокой погибших. Если он не сделает это сейчас, священник на похоронах может уже не успеть – пока их довезут до дома, пока опознают, время будет потеряно. Опустившись на колени у ног совсем юного мальчика с оторванной рукой и разmozжённм черепом, он перекрестил его и накрыл лицо курткой.

Следопыт сказал, что идти нужно на юг. Он заметил отпечатки берцев на окраине дороги. Тоже американских – боевики знают толк в экипировке. Следы ведут в аул в двух километрах по горной тропе. Сушки поработали там еще на прошлой неделе.

Карина Порше говорила в камеру:

– Я надушила мою горжетку новыми Гучи Биондо, теперь и она пропахла этой вонью. Быстрее бы все это закончилось. Я держусь, я делаю это ради вас, мои дорогие. Не знаю, сколько еще смогу терпеть это издевательство над личностью. Стюардесса тупая не может включить нормальный вентилятор или окно приоткрыла бы чуть, чтоб выветрилось.

Макар во главе роты ступил по сухой, выжженной солнцем траве. Следопыт говорит они двигались быстро, значит, завидели на горизонте вертушки. Заложники могут идти, иначе им бы перерезали глотки как ненужному балласту.

Справа в кромке горы заметили пассажирский автобус. Посмотрев в бинокль, следопыт доложил, что в салоне примерно двадцать человек – выжившие беженцы из аула двигаются навстречу неизвестности. Внезапная вспышка, а через две секунды грохот. Автобус окутан коричневым дым, осколки кабины взмыли в воздух.

Макар скомандовал срочно бежать на подмогу выжившим. Матреха вызвал пассажирскую вертушку по рации, продиктовал координаты.

Кабина напоминала комнату для разделывания мяса: на месте водителя не тушка

говядины, а разорванные конечности, одетые в джинсы и синюю рубашку в клетку. Мина взорвалась прямо под левым колесом.

Макар скомандовал роте занять позиции в круговой обороне. Вместе с Матрехой и Следопытом они пробрались внутрь автобуса. Пахнет пылью и машинным маслом, легкий запах гари, и усиливается. Нужно срочно эвакуировать выживших.

В передней части пять трупов: три женщины, старик и ребенок. Они лежат в одной куче, как наваленные мешки с гречкой. Матреха вытащил живого мальчишку лет десяти без сознания наружу. Макар помог Следопыту поднять пожилую женщину. У всех контузия, не сообщают где находятся и что происходит.

Вынесли уже четверых. На заднем сидении в углу молодой парень, рядом с ним пожилая женщина. Он обнимает ее обессиленной рукой, что – то шепчет себе под нос. Один его глаз заплыл от удара об стальную поручень сидения, на коленях черный чемодан, который тот из последних сил прижимает к себе. Взгляд у него не добрый, борода черная, как собачий мех.

Следопыт попытался взять чемодан, тот раскрылся и на пол свалился Калашников без приклада. В следующий миг у парня блеснул в руке нож. Он бросился на Следопыта и воткнул клинок ему в шею. Матреха выхватил пистолет. Убийца спрятался за телом Следопыта, поднял автомат и открыл беспорядочный огонь. Пули пробивали уже мертвое тело Следопыта, как решето. Матреха упал на пол с пулей в сердце. Он не решился выстрелить в друга.

Убийца замер. Макар попал ему в голову. Вместе со Следопытом они рухнули на пожилую женщину, раскаленное дуло автомата прижгло ей кожу на лице до золотых зубов.

Макара вытащили уже из пылающего автобуса. Стоя на коленях на горячей земле Макар читал молитву Георгию Победоносцу. Оставшиеся в живых сгорали в автобусе заживо.

– Расслабься брат, – Матреха рассматривал двигатель в иллюминаторе. – Там совсем не страшно. Что тебе тут, ничего не держит.

В груди у Матрехи кровавое пятно с отверстием в центре, вязкая кровь капает на кресло, на ковер. Он не дышит, но все равно говорит:

– Не ссы, мы поможем.

Следопыт прицелился из снайперской винтовки в мужчину черной бородой по грудь справа, через проход от депутата Воронского. Одет он в дорогой костюм, на пальцах тяжелые золотые перстни.

Кровь текла у Следопыта из раны на шее. Он подвинулся ближе к Макару и кровь капнула ему на пиджак, на руку. Она ледяная, как прикосновение снежинки.

– На этот раз ты не должен допустить, чтобы они погибли, – сказал Следопыт. – Я бы снял моджахеда сам, да внимание привлеку. Нужно тихо сделать. Я уже вызвал подкрепление с воздуха, они скоро будут здесь, надо только продержаться.

Моджахед поставил на колени черный чемодан и приоткрыл. Внутри блестел отполированный позолотой, аккуратно уложенный автомат Калашникова. Моджахед с нескрываемым удовольствием провел рукой по затвору. На его лице скалится улыбка и взгляд тот же, озлобленный, как в автобусе.

– Если не хочешь, я рискну, – Следопыт готов был выстрелить.

Макар положил руку ему на плечо, ледяная кровь скользнула под рукав. Он отрицательно покачал головой, Следопыт убрал винтовку и одобрительно кивнул.

Макар должен сделать это сам.

Телохранитель Воронского личность известная в военных кругах. Макаров Станислав один из самых дорогостоящих телохранителей в России. Его услуги обходятся Воронскому в несколько десятков тысяч долларов в месяц, а порекомендовал его лично заместитель директора ФСБ Молоков – старый друг депутата. Несмотря на внушительный оклад, Макар продолжал жить в старой хрущевке в Митино и на все предложения Воронского помочь с улучшением жилья (предлагались квартиры в элитных новостройках за копейки) он отказывался, даже машину не менял – так и ездил на скрипучем ржавом ленд – крузере.

Макар прошел две чеченские войны, а за операцию по освобождению заложников в Гудермесе был награжден президентом медалью героя России. Блистательные физические данные, спецподготовка в школе спецназа ГРУ, мгновенная реакция на любые внешние угрозы. Все эти данные стали для Воронского не просто выпиской из досье. Однажды Макар закрыл его собой во время покушения, за что получил три пули. Из больницы он выкарабкался через месяц как новенький, да разве таких вообще можно убить?

– Простите, Вера? – обратился помощник Воронского к бортпроводнику, – Когда мы сядем в Новосибирске? Глеб Яковлевич очень спешит.

– Думаю, снижение начнется с минуты на минуту, а когда вы сможете покинуть самолет, это зависит от полиции.

– Ничего, все нормально, – вмешался Воронской. – То, что произошло это ужасная трагедия, – он обратился к помощнику. – Обязательно выясни, что сподвигло бедного парня принять такое решение и есть ли у него семья. Раз я оказался здесь, то обязан помочь им пережить такое горе, похороны возьму на себя.

Вера одобрительно кивнула.

– Может быть вам что –нибудь принести, чай, кофе?

– Нет спасибо, Вера.

Воронской дождался пока она удалиться и только потом продолжил:

– Проследи, чтобы эта курица никому не ляпнула, что мы здесь бухали, ясно? Журнашлюхи потом размусолят.

Помощник кивнул.

– Когда сядем, сразу свяжись с губернатором. Нельзя чтобы новость о том, что самолет с Воронским экстренно сел в Новосибирске с трупом на борту, раньше времени появилась в новостях, иначе в Питере нас встретит целый табун. И пусть сразу подгонят машину к трапу, мне не нужны фото в интернете с компании с носилками и трупом.

Помощник кашлянул в руку и вытер кончики рта белым платком.

– Они могут обернуть опоздание на рейс, против вас. Придумают какую –нибудь причину, якобы задержка рейса пагубно повлияла на психическое состояние самоубийцы и спровоцировала его.

– Откуда ты знаешь, что он самоубийца?

Помощник взглянул в отверстие между сидениями на Макара.

– Но ведь он сказал.

– А он что патологоанатом?

Сидевший напротив через проход мужчина кавказской национальности как бы невзначай покосился на них.

Помощник головой указал на соседа.

– Джамель Дальметдинов.

– Я должен его знать?

Помощник замолчал, подбирая слова.

– Ну, этот. Саксофонист знаменитый, на гастроли по всему миру катается. Двоюродный брат главы Дагестана. Повсюду таскает с собой золотой саксофон в чемоданчике стоимостью в несколько миллионов долларов. Вон видите, прямо сейчас его сидит, натирает.

Воронской откинулся на сидении и приложил ладони к лицу.

– Еще и этого не хватало. Мало того здесь еще и эта шалава силиконовая.

Помощник подсел ближе и заговорил шёпотом.

– С федеральными СМИ можем договориться. Коновалов из администрации вам не откажет. Желтые газетенки пусть пишут, их никто не читает.

– А с интернетом ты тоже договоришься? Меня тут каждый пассажир на телефон снял, когда я речь двигал за опоздание.

– Не переживайте вы так, ваш электорат интернетом не пользуется.

– Все равно наберешь Молокова, нужно чтобы всех пассажиров задержали в аэропорту на проверку. Телефоны пусть отберут и сотрут видео.

Самолет затрясло. Плохо закрепленный столик распахнулся прямо перед лицом помощника. От испуга он вскрикнул и едва не скатился с кресла.

Воронской расхохотался, а когда сообразил, что получилось громко, закрыл рот ладонью.

Помощник отдышался и поправил галстук. Он у него синий с белыми полосками.

– Видел бы ты себя, – Воронской не мог успокоиться.

– Он так выскочил неожиданно, я думал...

– Думал, что? Падаем?

– Да нет.

– Что там эта безмозглая кудахчет сзади?

Помощник привстал и посмотрел на нее.

– Видео записывает. Ох, а там сзади – то конфликт какой – то.

Вера быстрым шагом прошла в эконом, открыла шторы.

– Где она, говори сученок? – кричал мужчина на маленького мальчишку.

– Я не брал.

Мужчина размахнулся, чтобы ударить его, но бортпроводники успели схватить его за руку. Мальчишка кричал и плакал, забившись в угол.

– Ненавижу тебя, ненавижу, когда ты пьешь.

Воронской обратился к Макару:

– Мак угомони этого ублюдка, только не переусердствуй.

Макар как – то безынициативно посмотрел на него, будто спал с открытыми глазами. Он встал, и какое – то время стоял в проходе, озираясь.

– Макаров, ты не слышал, что сказал Глеб Яковлевич?

Макар быстрым шагом направился в обратном направлении к кабине пилотов, вошел в туалет и заперся.

– Мак? – крикнул Воронской в след.

Помощник испуганно пожал плечами, будто он виноват в том, что Макар ушел и теперь ему самому нужно пойти и угомонить того сумасшедшего.

Бортпроводники упрашивали мужчину успокоиться, тот кричал на них в ответ. Никто

из пассажиров не решался ему противостоять.

Когда он, наконец, успокоился, бортпроводник Вера с решительным выражением лица прошла к двери в кабину и подняла трубку терминала. Самолет снова тряхнуло, она едва устояла на ногах.

У Катарини ломило в боку. Когда она услышала крик Костопророва то рванула к нему, самолет тряхнуло и она приземлилась ребрами на подлокотник сидения.

Она не имела морального права показать, что чувствует боль, иначе, находясь в отчаянии, пассажирам будет не к кому обратиться.

После перенесенного стресса некоторые пассажиры вели себя странно: долговязый худосочный мужчина уже трижды вызывал ее и показывал все новые места, куда, по его мнению, уходит воздух. На ее уговоры, он реагировал все агрессивнее. Требовал встречи с пилотом. Вокруг батюшки собиралось все больше людей – это уже напоминало религиозное помешательство. А еще Катарину беспокоила пожилая семейная пара с восьмого ряда, они не отвечали на вопросы, не реагировали на щелчки пальцами перед глазами, будто превратились в дышащие манекены, ей даже пришлось самой застегнуть им ремни безопасности.

Катарина устала, ей хотелось запереться в кухне и посидеть в тишине. Никому из пассажиров она не могла должным образом помочь, ситуация выходила из – под контроля, а это ее работа – держать все на контроле. Ей нужна помощь, плечо, на которое можно положиться и таким человеком мог стать Миша, и должен был стать, если еще вчера клялся в любви. Вместо этого он просто сидел в кухне на полу, прятал лицо в колени и молчал. Катарина твердо решила, что больше его покрывать не будет и обязательно напишет жалобу руководству со всеми подробностями.

Когда закончиться этот сумасшедший полет?

Слава богу, Костопророва удалось успокоить. Катарина не справилась бы в одиночку, если не подоспевшая на подмогу Вера – надежда только на женщин. Сынишка Костопророва так сильно перепугался, что обмочился. Катарина предложила пересадить его до посадки, но Вера запретила, дабы не провоцировать отца лишний раз. В аэропорту его сразу же задержит полиция. Кроме того бутылку виски он в итоге нашел (она была спрятана под сидением) и разом выпил четверть. Сразу уснул.

Турбулентность усиливалась, а еще они давно должны были начать снижение, на такой высоте обычно топливо не выкатывают. Вера все еще стояла у терминала и звонила Миронову. Необходимо дождаться ее для получения дальнейших инструкций.

Катарина осталась стоять на переходе между экономом и бизнесом, чуть сместившись к шторке, так чтобы Карина Порше ее не заметила.

– Господи, что же это делается! – роптала женщина средних лет с десятого ряда и держалась за голову, после очередного толчка – Я больше не могу здесь находиться.

Катарина уже дважды подходила к ней и выслушивать одно и тоже уже не было сил. Впервые ей захотелось снять униформу, занять неприметное место и избавиться от тяжелой ноши ответственности за всех этих людей.

Неужели она всерьез допустила возможность сбежать? Впервые она произвольно отказывается от ответственности и почему? Страх? А что потом? Откажется от ответственности за жизнь дочери?

Из переднего туалета вышел мужчина, телохранитель депутата Воронского. Он остановился на первом ряду и внимательно смотрел на мужчину с густой черной бородой.

Телохранитель закрыл собой все обозрение – Катарина не могла рассмотреть повесила ли Вера трубку, или же вошла в кабину пилотов.

Внезапно телохранитель набросился на мужчину. Одним взмахом медвежьей руки он вонзил ему в горло нечто напоминающее нож.

Катарина застыла на месте, она не могла говорить и дышать.

Одной рукой телохранитель прижимал мужчину к креслу, а второй наносил удары в шею, как молотком забивают надоевший гвоздь. Кровь, как из водяного пистолета, короткими очередями брызгала на иллюминатор, на пиджак и рубашку, на лицо телохранителя.

Мимо Катарины в экономе с истерическим криком пронеслась Карина Порше, помощник депутата Воронского прополз на четвереньках.

– Макар! Ты что творишь? – депутат Воронской прижался к стене с иллюминатором, обхватил ее обеими руками, словно пытался слиться воедино.

Женщины в салоне рыдали и кричали, другие перебирались на несколько рядов назад в надежде, что там безопаснее.

Телохранитель наблюдал, как жертва задыхалась в собственной крови. На полу под ногами валялся раскрытый чемоданчик с позолоченным саксофоном.

Катарина боялась сделать даже вдох. Нож в руке телохранителя наспех сделан из куса разбитого туалетного зеркала, обернутого галстуком на месте рукоятки.

– Господи, ты что наделал? – Воронской не двигался с места.

Вера стояла за спиной убийцы. Она плакала, постукивала беззвучно костяшками по двери кабины пилотов. Ее единственное спасение внутри.

Если телохранитель повернется, Вере конец. Ей нужно дать немного времени.

– Я прошу вас, мужчина, успокойтесь, – Катарина ступила в бизнес – класс. Язык у нее дрожал и заплетался, как у пьяной.

– Его нужно было убрать, – сказал Макар.

– Ты что говоришь? – вмешался Воронской. – Ты же убил его.

Катарина махнула ему рукой, чтобы не вмешивался, и сделала еще шаг.

– Положите нож, пожалуйста. Или вы пораните кого – то еще.

Катарина молила бога, чтобы пилоты слышали стук Веры.

Замок двери щелкнул. Вера, стоя спиной, отворила дверь и сделала спасительный шаг внутрь. Когда она обернулась, мелькнуло что – то стальное, молниеносно, как взмах меча самурая.

Хруст.

Вера вывалилась обратно в коридор. Юрген вышел за ней и выдернул топор из лица, ставшим костяным месивом.

Катарина закричала, ноги подкосились, и она оказалось на коленях.

Макар и Юрген встретились взглядами. Юрген успел лишь занести топор над головой, Макар схватил его за шею и воткнул в стену туалета, следующим движением он вонзил нож Юргену между ребер. Второй пилот выронил топор, дрогнул, как земляной червь, и затих.

Воронской запрыгнул с ногами на сидение и в растерянности пятился, словно наверху его ждало спасение. Перекувырнувшись, он свалился за спинку вниз головой и потерял сознание.

Максимов сидел в своем кабинете в Управлении ФСБ на Лубянке. Стало тихо. В темноте усиливалось ощущение одиночества и покоя. Максиму хотелось прочувствовать это хоть на мгновение, избавиться от нависших и постоянно появляющихся проблем. Вот так, без света, без зрения.

Он позвонил Долгину, услышал приближающееся к двери улюлюканье его писклявого кнопочного телефона. Долгин вбежал в кабинет с двумя зажатыми папками к груди, как спортсмен марафонец пересекает финишную ленточку. И вид у него был как после пятидесяти километрового забега. И это учитывая то, что преодолел он от силы пять лестничных пролетов.

– Я же сказал к восьми пятнадцати сделать.

Часы перелистнули двадцать третью минуту девятого.

Долгин теперь пытался отдышаться еще и с виноватым видом.

– Системщики, – выдавил он из себя, будто ему на допросе только что палец выломали. – Накосячили.

Максимова раздражало даже не то, что он опаздывал на совещание, а что он вообще должен был на него идти. Он привык отчитываться перед непосредственным начальником – руководителем Следственного управления ФСБ Кругловым. А значит, основные решения по резонансным делам принимались только с его одобрения, лежали грузом на его плечах, он и должен идти сейчас на совещание. Максиму было бы занятие ждать, да заниматься организацией работы следственных групп и экспертов. Круглов же сейчас, именно в эту минуту лежал на операционном столе в одной из клиник Израиля, а холенный хирург с серьезным видом, стоимостью в каждую вложенную тысячу долларов, копошился у него в брюхе (так и назвал его Максимов – Брюхлов) в поиске грыжи, а может чего – nibудь еще посерьезнее, учитывая как Брюхлов чувствовал себя в последние месяцы. И лежать ему там без сознания как минимум пару часов, и приходить в себя потом не меньше. Максимов вынужден тащить на себе всю полноту ответственности за обе должности и отвечать, потом придется тоже вдвойне.

– Три раза в неделю в зал, – Максимов взял папки. – И чек принесешь, или в водители пойдешь работать.

Долгин кивнул и пытался притвориться, что уже все в порядке (да разве хотел он три раза в неделю носиться в зале, вместо того, чтобы диван проминать?), только вот побелевшая кожа и выступившие капли страданий на лбу выдавали в нем без пяти минут тошнотика.

В брифинговую Максимов вошел последним. Он поздоровался, не стал ни на кого смотреть, чтобы не читать лишний раз упреки в свой адрес и сразу прошел к трибуне.

Во главе длинного стола сидел первый заместитель директора ФСБ Молоков. Максимов с разочарованием глянул на стену, надеясь увидеть изображение прямого видео звонка из Брюсселя, где директор ФСБ Певчий был с визитом в команде с президентом. Видимо, он решил не отвлекаться и доверился Молокову.

В комнате горел избыточно яркий свет, помимо всего прочего он еще и отражался в наполированном, как ботинок Чарли Чаплина столе. Три кучки по периметру расставлены пустые чашки и графины с горячим чаем и кофе. Учитывая день недели и время, правильным было бы поставить коньяк и рыбную нарезочку.

Руководители служб и аппарата с недовольным видом покачивались на стульях – всех их

в срочном порядке вызвали без объяснения причин, кто – то даже не удосужился переодеть джинсы.

Пока Максимов устраивался за трибуной, он обратил внимание на Молокова. Когда он был задумчив то шевелили усами вверх вниз, считая, что они у него богатые и пышные, как у старухи из приключений Фунтика, в реальности же они были, как ленточки черной вспученной изоленты – от того кривляния его вызывали ухмылку.

Максимов приготовился говорить и в поиске разрешения посмотрел на Молокова.

– Давайте сразу, – Молоков пальцем провел по усам слева и справа, как бы приготовив и их слушать Максимова.

– Для тех, кто еще не в курсе, вас собрали здесь из – за происшествия с рейсом 1661 авиакомпании Сибирь – авиа, следующим маршрутом Красноярск – Санкт – Петербург. Около часа назад пилоты сообщили о смерти пассажира на борту, по предварительной информации речь идет о самоубийстве. Было принято решение диспетчерской службой посадить самолет в городе Новосибирске. К указанному времени снижения лайнер не изменил курс, а связь с экипажем прервалась. Самолет по – прежнему определяется радаром и следует прежним маршрутом.

– Могли ли быть неполадки со связью? – Молоков поднес чай к губам и, сложив верхнюю губу мохнатой трубочкой, подул.

– Возможно попадание молнии в антенну, самолет пролетал над грозовым фронтом.

– Тогда они просто могли не услышать о посадке в Новосибирске, – вмешалась Гульнар Аббасовна, руководитель пресс – службы. – Так и летят дальше.

На голове у нее поселилась очередная кошка в форме прически из кудрявых проволочных волос коричневого оттенка. А еще она всегда стремилась сделать выводы прежде всех. Где бы она не находилась, все вокруг пропитывалось ее духами.

– Прежде чем связь пропала, пилот подтвердил посадку в Новосибирске. Диспетчеры в данный момент продолжают попытки наладить связь.

Руководитель службы по защите конституционного строя и борьбы с терроризмом Бузунов Николай Валерьевич несогласно покачал головой.

– Какие ваши версии? – эту фразу Молоков перенял у директора Певчего, так считал у него авторитета прибавиться.

– Я думаю, все здесь слышали про инцидент, произошедший вчера на борту другого самолета, рейс 754 следовавшего из поселка Ванавара в Красноярск. Во время полета произошла драка между двумя французскими геологами, один из них погиб.

Максимов вытащил из папки фото и показал присутствующим.

– Это Левандовский Лукас. Семьдесят восьмого года рождения, ранее судимый за мошенничество и кражу в особо крупном размере.

Гульнар Аббасовна прищурилась через очки – так она делала, когда ей что – то или кто – то не нравился. Левандовский и в самом деле не вышел красавцем.

– Именно он, как успели сообщить пилоты, и погиб. Он также был одним из пассажиров вчерашнего рейса из Ванавары.

– И как это связывает произошедшее на двух самолетах? – Гульнар Аббасовна окинула присутствующих взглядом, чтобы убедиться, не одна ли она запуталась во всех хитросплетениях. – Мало ли что там французы не поделили.

– Это было только начало. За прошедшие восемнадцать часов погибли еще как минимум шестеро пассажиров рейса из Ванавары. Вот примеры, – Максимов показал фото мужчины

с неестественно распухшей шеей, покрытой скукожившимися волдырями. – Антон Васильев, пенсионер, охотник. Через десять часов после посадки выпил кастрюлю кипятка. Обширные ожоги внутренних органов.

Гульнар Аббасовна поморщилась и поднесла руку к губам.

Максимов показал следующее фото. Молодая девушка на нем мило улыбалась, могло показаться – живая, кожа румяная как у древнерусских девиц. Только румяна эти – размазанная кровь, а улыбка – разрезанные вдоль до скул губы.

– Котогонова Маргарита, учитель младших классов. Замужем, двое детей. Зарезала мужа, пыталась убить младшую дочь, помешали соседи. Нанесла себе порезы лица и шеи, умерла от потери крови.

Максимов достал еще фото. Молоков придвинулся ближе, все присутствующие затихли. Слышно было, как Гульнар Аббасовна сглотнула слюну.

– Морозов Виктор. Сорок лет. Повесился у себя в номере гостиницы.

Белая рубашка с погонами, на фоне опухшего посиневшего лица без труда выдавала его профессию.

– Он был пилотом рейса 754.

Повисла тишина, присутствующие переглядывались, перешептывались, Гульнар Аббасовна сидела, опустив глаза в стол с ладонью под носом. Один только Бузунов выглядел расслабленно и уверенно.

– Я считаю, что на рейсе из Ванавары могло иметь место использование неких токсических психотропных веществ. Левандовский определенно может иметь к этому отношение.

– Откуда у него может быть доступ к таким веществам? – спросил Молоков.

– Мы сейчас работаем над этим, проверяем, где он был за последние месяцы и что делал в Ванаваре.

– То есть, вы считаете, что данное вещество этот мужчина пронес на рейс в Петербург. И там сейчас тоже все заражены, и даже пилоты? – очнулась Гульнар Аббасовна.

Молоков ответил ей жалобно – успокаивающим взглядом.

– Красноярские врачи уже проводят токсикологические экспертизы тел погибших. А пока я хочу внести предложение об изолировании всех пассажиров рейса из Ванавары, а также тех с кем они могли контактировать, пока не будут готовы результаты.

– То есть всех полицейских, врачей, а также пассажиров других рейсов в аэропорту, которые уже разбрелись по всей стране? – Бузунов встал с места.

– Да. Если это, – Максимов прервался чтобы подобрать подходящее слово. – Состояние... заразно, мы можем столкнуться с эпидемией.

Бузунов, прихрамывая, прошел вдоль стола. Говорят, ранение он получил в Афганистане при десантировании в окрестности кишлака и проявил себя там героически. На собственных плечах вынес из – под обстрела трех десантников и положил с десятков душманов. Только рассказы все эти с его уст, как там на самом деле было – кто ж знает. Каждый август стареющий ВДВшник не изменял традиции, надевал синий берет, тельняшку и отправлялся на гуляния с соратниками, колотить сидящей головой бутылки.

– Если с пилотами что – то случилось, как самолет продолжает лететь? – Не унималась Гульнар Аббасовна.

– Автопилот, – послышался голос из глубины стола.

Все присутствующие повернулись на упитанного мужчину азиатско – бурятской

внешности с угольно черными волосами и снежными седыми прожилками на висках.

– Да, я хочу представить вам Кенжабетова Михаила Викторовича, руководителя диспетчерской службы аэропорта Шереметьево. Там сейчас главный мониторинговый центр.

Кенжабетов поправил очки, сидел он скромно и даже немного скованно.

– На данный момент борт 1661 двигается согласно проложенного курса. Лайнером управляет автопилот и в таком состоянии без внешнего воздействия он спокойно достигнет Санкт – Петербурга по расписанию через, – он взглянул на часы. – Четыре часа, пятнадцать минут.

– А что будет потом? – Гульнар Аббасовна приподнялась и даже волосы на голове завибрировали.

Кенжабетов положил локти на стол, подвинулся вглубь, чтобы его было лучше видно.

– Автопилот будет кружить над городом, пока у самолета не закончится топливо.

– Боже мой, – выпалила Гульнар Аббасовна. У нее был испуганный и такой причастный вид, будто она сама повинна, что у самолетов заканчивается топливо.

Бузунов похромал к своему стулу, облокотился на него руками и обратился к Максиму:

– Володя, при все моем уважении, твоя версия кажется мне неправдоподобной. Я имел дело с химическим оружием, с различными ядами и психотропными стимуляторами и могу вас всех заверить, что описанные симптомы помешательства не вызывает ни одно известное мне вещество. Думаю, что до окончания токсикологической экспертизы, устраивать охоту на ведьм преждевременно. Это отвлечение материальных и людских ресурсов, а также привлечение внимания СМИ, – Гульнар Аббасовна услышала три заветных буквы и оживленно кивнула. – Я уверен, что этим смертям следователи найдут логичное объяснение после изучения прошлого людей. Что у нас люди нигде больше не кончают с собой или мужей не убивают? Удивительно другое, – Бузунов взял со стола перевернутую ранее фотографию и развернул всем, на присутствующих смотрели пылающие башни – близнецы в Нью – Йорке. – Никто из вас не заметил в этой ситуации очевидного сходства с событиями в США одиннадцатого сентября 2001. Тогда группой ближневосточных террористов были захвачены четыре пассажирских авиалайнера. Отсутствие связи с пилотами, следование прежнего курса и внезапное отклонение в конце превратило самолеты в разрушительное оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4zd>